

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Заговор. Даниил Александрович Гранин

Пантелеймоновская улица.

Пантелеймоновская улица времен моего детства. Магазин братьев Чешуриных – молочный магазин, выложенный белым кафелем, там сметана разных сортов, творог в деревянных кадушках, молоко в бидонах, масла, сыры, и сами братья орудуют в белых фартуках с черными блестящими (из кожи, что ли?) нарукавниками. А на углу Литейного была кондитерская «Ландрин». А дальше по улице к Соляному переулку была булочная Филипповых, утром я бежал туда за горячими рогаликами, булочками, не помню уж точно, мама посылала меня. Был какой-то магазин «Лора». Шли трамвай с «колбасой», катались на «колбасе» – это резиновый шланг на задней стенке (для пневматики), – за него цеплялись и ехали. Улица была вымощена деревянными шашками, панель – плитами, ворота на ночь запирали, парадные тоже, дежурные дворники сидели у ворот, а уж к ночи уходили в свои дворнички. У нас дворничка была в подворотне, туда звонок, открывали, и надо было сунуть за это двугривенный. У Спасской церкви стояли пушки. В Вербное воскресенье на площади перед церковью устраивалась ярмарка. Обитая черным бархатом карусель. По бархату стеклярус. Китайцы продавали скрипучки, веера, чертиков, «тещины языки», «Уйди-уйди». Пряники продавали, длинные конфеты, обкрученные ленточками, моченые яблоки, конечно, семечки, причем разных сортов: семечки жареные, сырые, тыквенные, чищенные. На лотках торговали маковками, это вроде ирисок, но сваренные на сахаре из мака, постным сахаром всех цветов.

Шли по улице ломовые извозчики, под телегой ведро, позади прикреплен номер; грузовики АМО, тележки разные, шли татары-халатники с мешками, почему-то полосатыми, в них собирали всякое тряпье, лом, шли лоточники, газетчики, стояли с корзинками торговли, шли точильщики со своим точилом, шли стекольщики с ящиками поблескивающего зеленоватого стекла, трубочисты, пильщики дров с пилами и топорами, лудильщики... Сколько их было, разного рода мастеровых. Маляры с длинными кистями и ведрами, полотеры со щетками, измазанные коричневой своей мастикой, обойщики... Чистильщики сапог сидели на углах. В каждом дворе была часовая мастерская. Там с лупами в глазах сидели за большим витринным стеклом, склонив свои лысоватые головы, часовщики. Потом там была портняжная мастерская, там работали скорняки, делали бюстгальтеры.

На углу Моховой был закрытый распределитель «Красная звезда». Рядом магазин ЛСПО (Ленинградский союз потребительских обществ). Сколько их было, этих аббревиатур. К магазинам прикреплялись. Люди имели заборные книжки, в них ставился штамп магазина. Заборные книжки выдавали в конторах жактов.

Все это исчезло, прочно позабыто и ни к чему это помнить. Хотя из этого состояла наша жизнь.

Почти все жили в больших квартирах, где было два хода – парадный и черный. По черному таскали дрова, приходили дворники, прачки. Да, были прачки. Во дворах вешали белье, выбивали ковры, работали обойщики, кололи дрова. Позже квартиры стали делиться, почти все разделились надвое, поставили перегородку – получились две квартиры, одна имела черный ход, другая парадный.

Во дворах устраивали представления, приходили шарманщики, скрипачи, с ними певцы, иногда приходили трио или квартеты. Жильцы высовывались в окна, слушали, кидали им монетки медные, серебряные, завернутые в бумагу. Во дворе в нише была помойка с чугунной крышкой.

Люди ходили в галошах, в валенках и в ботах.

Были керосиновые лавки. Мы ходили с бидонами за керосином. Керосин нужен был для керосинок, на керосинках варили обед, чай. Были примусы, их накачивали, они гудели синим пламенем. Примус – это эпоха, это большая часть жизни.

Происходили взрывы примусов, сколько из-за них было пожаров!

Кроме примусов были керосинки, паровые утюги, самовары, на кухнях стояли плиты, их топили дровами, на них варили, жарили, пекли. В комнатах стояли печки, топить надо было осторожно, чтобы не было угара. Эта минувшая жизнь имела множество

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
бытовых правил, которые навсегда исчезли.

Исчезли горшки, горшечники, гончарные изделия, не стало мужчин-почтальонов, раньше это была чисто мужская профессия.

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне...
Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон.

Лошадям подвязывали к морде торбу с овсом или с сеном. Они хрупали и время от времени потряхивали этой торбой. Недалеко была парикмахерская «Поль», там стриглась мама, там завивали и красили.

На Литейном царили букинисты, продавали коллекционные марки. Там была другая публика, там был Торгсин, там гоняли нищих.

В самом начале нэпа частных магазинов было больше, возле Бассейной улицы был магазин «Особторг», там торговали по повышенным ценам. Много было всякого, но и много не было всякого. Не было на улицах негров, да и вообще иностранцев, они были редкостью, на стендах не клеили газет, газеты не бросали и всяких оберток, кульков, целлофанов – ничего этого не бросали.

Прохожие стали другие, мусор стал другой, время-дворник все подмело.

* * *

Есть книги особой судьбы. Литературно не бог весть каких достоинств, а то и просто посредственные, однако почему-то они производят волнение в обществе. Все читают их, обсуждают, они будоражат умы, и не одного поколения, так что трудно тут все сводить к моде. Примеров таких в нашей русской литературе несколько. Взять хотя бы «Что делать?» Чернышевского. Его мы проходили в школе. И Добролюбова проходили. Учили сны Веры Павловны. И то, как Рахметов спал на гвоздях. Школьная программа была следствием того, насколько впечатлил этот роман Россию.

Отчасти то же самое вызвал роман Тургенева «Отцы и дети».

Сегодня «Что делать?» не читается – наивно, беспомощно, скучно.

Были и в советской литературе похожие сотрясения, баллов поменьше, но были. Вспоминается «Время, вперед!» Катаева, «Как закалялась сталь».

Каждое такое явление переплетается с состоянием общественной жизни. Резонирует, откликается на какие-то глубинные процессы.

Сотрясали поколения не только русские книги. Был для России потрясением «Овод» Войнич, была «Хижина дяди Тома».

За полтора столетия наберется кардиограмма весьма показательная, как менялись интересы, пристрастия, вкусы общества.

* * *

У них перед домом росла старая полувисохшая липа, там по вечерам происходили сборища воробьев. Д. с интересом наблюдал, как они слетаются без опозданий со всего района и открывается у них толковище, пошумелки, говорилки, посиделки. Нарастал гомон, вроде беспорядочный, сплошная щебетуха. Похоже, каждый щебетал о своем. Впечатление базара или Государственной думы, никто никого не слушал, все высказывались. Так продолжалось обычно минут двадцать. Потом все умолкали и разлетались кто куда. До завтрашнего вечера.

Д. спросил знакомого орнитолога, что это за явление. Тот сказал: «Одна из доразумных форм общения». Он считал, что оно необходимость, не для информации, а именно для общения. У всей этой мелкоты есть своя потребность просто пообщаться.

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Д. понимал их, ему последнее время не хватало именно такого беспредметного общения, не хватало и на работе как начальнику, и дома не хватало, Римма была слишком занята с ребенком...

Серенькие эти комочки всю разевали клювы и орала кто во что горазд, но через некоторое время Д. стал различать голоса пронзительные, возмущенные, смешливые. Постепенно он уверился, что это не такая уж доразумная потребность общения, что-то в ней было разумное, да ведь и сама эта потребность была ему симпатична именно своей разумностью, где не обязательно что-то обсуждать, а только бы пообщаться.

* * *

Жил-был ученый-цитолог Владимир Яковлевич Александров. Лауреат многих премий, автор важных работ и открытий. Мы с ним дружили.

В академическом журнале «Успехи современной биологии» он в 1970 году напечатал шумевшую тогда статью «Проблемы поведения на клеточном уровне».

Он подарил мне оттиск и надписал:

«Дорогой Даниил Александрович, в клетке душа есть, а то ее и у нас не было бы».

Владимир Яковлевич пришел к своему убеждению в результате многолетних экспериментов. Он применял термин «целенаправленные движения клеток». Его результаты сходились со взглядами Беклемишева, П.Г.Светлова, А.А.Любищева. У нас в биологии, несмотря на идеологическое засилье материализма, тем не менее существовало все годы сообщество ученых-виталистов. Идеализм продолжал развиваться, несмотря на запреты. Владимирович Яковлевич Александров был одним из его творцов.

* * *

Профессор в родильном доме обратил мое внимание на то, как в Библии сказано: Адама Господь вылепил из глины и потом вдохнул в него дух. Был ли Адам уже в возрасте, ничего не сказано, но был момент решающий, когда глина обрела душу – Господь вдохнул. «Так оно и происходит, – утверждал профессор. – Вы должны знать, – сказал он мне, – что то же произошло и с вашей дочерью. Есть момент, когда в человеческом зародыше вдруг появляется душа. Я наблюдаю это уже годы. Откуда она появляется? Не знаю. Кто-то вдохнул, лучше не скажешь. Иногда это происходит в зрелости, иногда вовсе не происходит, то есть, наверное, душа появляется, кто-то ее тоже вдохнет, но она не уживается или гибнет. Но вы должны знать, каждая мать должна знать, что в ее ребенка Господь вдохнул душу. То есть она Божественного происхождения, и ваш ребенок обладает душой, которую ему дал Господь».

Ты скажешь, что это религия, но ведь ты не будешь отрицать, что у нее откуда-то появилась душа. Что эта душа не наша создание, она принадлежит не нам. Я верю профессору. Но все-таки мы с тобой тоже участвовали. А что-то появилось и помимо нас. Знаешь, это, конечно, не наука, но профессор считал, что это больше чем наука.

* * *

22 июня 1941 года спустя несколько часов после начала Великой Отечественной войны выступил по радио Черчилль и заявил, что Англия будет бороться с гитлеровской Германией до конца. Он не стал упрекать Сталина за то, что тот заключил союз с Гитлером. По этому поводу Черчилль сказал: «Если мы будем пытаться поспорить прошлое с настоящим, мы проиграем будущее». Это изречение определило для англичан всю военную политику. Хотя с июня 1941 года по осень 1942-го русский фронт, как он выразился, казался ему «обузой, а не подспорьем».

* * *

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Долго я не мог понять, откуда у Л.Толстого такая нелюбовь к Шекспиру, особенно к «Королю Лиру». И ведь потратил столько времени, чтобы его изничтожить. Изучил первоисточники, староанглийские предания, замотивировал, доказал. Хотя все равно эта трагедия Шекспира не пострадала, осталась для меня столь же великой. Но чего он, Толстой, на нее ополчился с такой явно неадекватной яростью? Ведь сам же спустя годы ушел вслед за Лиром из дома.

Б.Эйхенбаум, известный литературовед, написал на сей счет – Толстой увидел в Лире своего двойника. А это невыносимо. Поэтому и обрушил на него свой гнев: «Нет, нет, это не я, Лир просто вздорный старик, с нелепыми поступками».

* * *

Когда я читал книги, мне нравилось прервать и гадать, куда повернет автор. Вот Чехов. И каждый раз, когда я понимал, что герой Лаптев должен поступить так, выходило иначе, и я соглашался, понимал, что это правильно.

* * *

Было это в 1980-х годах, заседала Топонимическая комиссия при Ленсовете. Среди вопросов было переименование Пушкарской улицы. Партком и дирекция Электротехнического института предлагали переименовать ее в улицу имени профессора Богородицкого. Ректор института, депутат, заслуженный профессор, кажется, еще и лауреат и пр., и пр. Ордена, звания... Недавно умер, надо почтить его память. Возражений нет?

Вел заседание какой-то зам и председатель Ленсовета, тоже известный тогда, а ныне, хоть убей, не вспомнить фамилии. Я поднял руку – против. Этот начальник поморщился – почему вы против? Я говорю – старинное название, со времен Петра, жили пушкеры, словом, всякие исторические доводы. Разумеется, никого они не тронули. Народ-то не питерский, все пришлые, из провинции. Думаю – плохо дело.

Секретарь парткома ЛЭТИ: Мы-то думали, что вы, товарищ Гранин, нас поддержите, вы певец ученых, это ваши герои, что же вы против?

Председатель: Давайте, Даниил Александрович, не будем нарушать традиции, мы всегда решаем единогласно.

Гранин: Так ведь я о ваших интересах думаю.

Председатель: Это как понять?

Гранин: Как, по-вашему, будут называть эту улицу?

Председатель: (Пожимает плечами.)

Гранин: Богородицкая, не так ли? Никто не вспомнит о профессоре. Появится Богородицкая – типично церковное название. По решению, между прочим, коммуниста такого-то, одного из руководителей Ленсовета.

Наступило молчание.

Председатель: Да-а-а. Неудачная фамилия. (Задумался.)

Гранин: А нельзя ли внутри института назвать какую-нибудь лабораторию именем профессора Богородицкого?

Председатель: Действительно, товарищи из ЛЭТИ. Хорошее предложение. Кто за?.. Единогласно. Отлично.

Минута откровенности

Однажды один из моих знакомых академиком в минуту откровенности выложил свои размышления о судьбах некоторых знакомых мне ученых.

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Из всех, кто забрался наверх и сохранил интеллигентность, я знаю лишь Андрея Дмитриевича Сахарова. И зато какая участь постигла его, как жестоко исторгла среда «допущенного туда», каким отступником сочла. Сахаров оставался в генеральском обществе самим собой, не подлаживался и, что любопытно, отдавал должное генеральско-солдатскому юмору, острословию, не без удовольствия рассказывал мне байку: «поставь и направь». Это, мол, ваше дело, ученых, наше генеральское – все остальное.

Братья Анатолий и Борис Александровы, оба талантливые физики, второе их пополнение, Евгений Борисович, тоже выдающийся физик; братья Вавиловы, оба крупные ученые; Мигдалы – отец и сын, академики; Линники – отец и сын, отец физик, сын математик, оба академики высшего класса. Что это, передается по наследству?

Евгений Борисович Александров с детства задавал отцу бесчисленные вопросы: Луна – какая она? Очень большая? Как дом? А Земля? Еще больше? Отец отвечал как ученый, открывая перед мальчиком совокупности мира.

Ответы отца пробуждали мысль, заставляли задавать новые вопросы. В институте все давалось легко, он был вундеркиндом.

Александровы старшие стали хорошими учеными. Любопытно, на чем разошлись их пути, а затем и характеры. Анатолий решал некоторые проблемы военного флота, размагничивания кораблей, делал работы секретные и входил в высшие сферы ВПК (военно-промышленного комплекса). Он стал «закрытым». Общение с генеральской средой не прошло бесследно, он приспособивался к их юмору, их анекдотам, их языку, выпивкам. Придворный ученый. Секретность искажала натуру. Секретность наделяла человека как бы исключительностью, отгораживала от обычного люда. Ни о чем и ни с кем. Появлялся какой-то стопор внутри.

Борис жил куда свободнее, критичнее воспринимал происходящее. Интеллигентность его сохранялась. К ряду событий того времени – борьбе с космополитами, преклонением и т. п. – он относился брезгливо. Хотя завидовал карьере брата. Расхождение шло с обеих сторон.

Анатолий Петрович огрубел. Все он понимал и со всем мирился. Летом ездил под Астрахань, раскидывал там палаточный семейный лагерь. Его посещало местное начальство с дарами. Выпивки, песни. Член ЦК пожаловал! И он принимал все это холопство. И дети его принимали. Оправдывал себя – таков порядок, ничего не поделаешь, ради дела.

Попадая наверх, интеллигенты теряли интеллигентность, снимали ее при входе, иначе они туда не допускались, от них тогда избавлялись.

Генеральская среда, партийная (они схожи), они быстро определили, кто на что падок, отобрали тех, кто мог, подобно Курчатову, Александрову, быть приемлемым для ученых, командовать ими и в то же время быть управляемым.

Жизнь разводила братьев. Конечно, секретность неизбежна. Но, думается, у нас ею злоупотребляли. Удобное прикрытие – делали секретной работу, чтобы избавить ее от критики «непосвященных».

Но тот же Анатолий Петрович Александров устоял перед нажимом сверху, не допустил исключить Сахарова из Академии наук. Сохранил он и свой творческий потенциал, сохранил интеллигентную обстановку в академии, пока был ее президентом.

Власть, секретность – они несомненно портят любого, и все же талант – это такая штука, которая приводит к несогласию, к независимым суждениям...

* * *

Опасаясь пожаров, Петр велел построить на стрелке Васильевского острова помост на сваях, вынесенный на воду, для фейерверочной машины. Отсюда устраивались форменные светопреставления – по всей Неве летали огненные змеи. Не сравнить с нашими однообразными салютами, представить не можем, что творилось в том первом петербургском небе. Туда возносились ангелы, там расцветали пальмовые рощи. Гремела музыка и затем взлетали орлы. Представьте темное небо, как натянутый

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru холст, на нем появляются слепящие картины, отражаются в широкой Неве. Цветных огней не было, все было сделано из чистого белого света. Весь город толпился на набережных. Это была пропаганда, в фейерверках светилась мысль, сюжет. Девизы светились на транспарантах

Город сам был красочен, строения – по преимуществу желтые, крыши – синие, красные. Как знать, может, эта утраченная красота была тоже хороша.

* * *

Было негласное указание ЦК (1970–1980 гг.) целовать при встречах первых секретарей братских компартий, секретарей же капстран приветствовать только рукопожатием. Наконец-то теперь я понял смысл сцены, которую увидел когда-то по телевидению.

Встречают в аэропорту Москвы Яноша Кадара, первого секретаря ЦК Венгрии.

К нему подходит, расставив руки, Кириленко, был такой у нас секретарь ЦК, Кадар отступает. Не тут-то было, Кириленко обхватил его и, как тот ни отбивался, притянул к себе и причинил ему не один, а три поцелуя, чтобы впредь не сопротивлялся. Знай наших!

Ненаписанное

В своем архиве среди старых бумаг, собранных для помойки, я нашел эту запись. Сперва подумал, что не моя, почерк не мой, потом стал читать – нет, мое, просто почерк изменился, а еще больше я сам. Читал с любопытством, как о другом человеке. Другие мнения, другое понимание той жизни. Я ныне вижу ее совсем иной, а вишь, какая тогда принималась. Даты не было, вероятно, написано был в 1970-е годы, лет сорок назад. Кому писал? В том-то и дело, что никому, просто так, допустим, себе нынешнему. И вот дошло.

«Мое поколение пожертвовало всем для социализма. Я выбрал специальность энергетика, гидростанции вместо того, чтобы пойти на исторический факультет, куда меня тянуло. Гидротехника нужнее. ДнепрогЭС, Свирь, Тулома, Баксан – всюду перегораживали реки, использовали „даровую энергию природы“. Романтика ГЭС, строительство плотин, шлюзов, все это воодушевляло, искушало, даже холодным разумом сделало выбор этой специальности как самой наинужнейшей для социализма. Я знал, что построю его в ближайшее время, осталось совсем немного, одну-две пятилетки. В 1941-м все мы ринулись на войну, кого не мобилизовали, тот пошел добровольцем. Сомнений не было. Из нашего класса все, из нашей институтской группы большинство попало на фронт. Мы жертвовали на этот раз жизнью и большинство не вернулось. Миша Павлов, Вадим Пушкарев, Миша Залкинд... Немудрено, что друзей-товарищей осталось так мало».

Все кончается

Было это лет десять назад. 9 мая я по привычке пришел на Марсово поле. Почти никого из фронтовиков там не было, правда, наступил уже полдень, ухнула пушка с Петропавловки. Сидел на мокрой скамейке инвалид, седой, без руки и без уха. Я подсел к нему. Разговорились. Полного монолога его приводить не буду, но в общем и целом, если все сложить, получается так.

– Понимаешь, девятое мая, конечно, День Победы, праздник, но заодно отмечаю и то, что в июне сорок второго здесь, в блокаду, разбомбили наш дом и все мои погибли. Точный день узнать не мог. После госпиталя я стал отмечать всё вместе: жену, теток, царство им небесное, и то, как без руки остался, и Победу. Такая она для меня теперь, инвалидная, да и не для меня одного, наверное. Но как отмечать, разве это праздник, если у всех, считай, что у почти каждого целый список погибших, а еще если фронтовых добавить дружков, то это, считай, полный погост? Значит, получится, с одной стороны, салют фейерверк, а тут же похоронный марш. Нет, думаю, полного праздника ни у кого быть не может. Конечно, чтобы выпить и закусить, причина есть. У молодых, может, не хочется сюда добавлять поминки, им праздник давай-подавай чистый.

* * *

- Сережа, вы же интеллигентный человек.
- Это неправда; я знаю, на меня уже писали в Москву, обвиняли, даже разоблачали.
- Но у вас же должность.
- Я, к вашему сведению, из прорабов, самый что ни на есть рабочий класс.
- Но вы же имеете высшее образование.
- Ну и что с того, образование еще ни о чем не говорит. Никакого отношения я к интеллигенции не имел и не имею. Меня, слава богу, считают крепким руководителем, я человек с характером, у меня слово не расходится с делом, могу заставить людей вкалывать. Меня боятся все, однозначно. Это вам не интеллигентские штучки, напрасно вы меня обвиняете.

* * *

Эйнштейн как-то заметил, что никому не удалось заглянуть в карты Господу. Во всяком случае, в руках Господа карты, а не кости. В своей игре он надеется не на случай.

Буль, создавая двоичную алгебру (1847), представить не мог, что на ней будет основан весь компьютерный мир.

Охлаждение

Беспокоятся об охлаждении климата. Происходит это или нет, не очень понятно. Но вот что есть, так это охлаждение сердца. Всеобщее. Показатель – поэзия. Место ее в жизни уменьшается. Уже в школе. Все труднее объяснять, зачем нужны стихи. Прекрасные стихи, те, что сопровождают нас до конца дней наших. Читаешь их самому себе, дыхание перехватывает. Радость эта высшая, ни с чем не сравнимая. Необъяснимая.

Жду ль чего? жалею ли о чем?

Тайна чувств, все реже мы ощущаем тайну своего появления в этом мире, своего назначения.

Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Человек – это тайна. Истинная поэзия ощущает эту тайну, стихи передают что-то помимо слов.

Заговор

Рассказ этот я слышал от Георгия Ивановича Попова. Мы сидели у него на даче в Репино, в курортном местечке на берегу финского залива. Попов во время Хрущева и позже был первым секретарем Ленинградского горкома партии, по сути, хозяин города. Человек он был грубый, вспыльчивый, ругатель, интеллигенцию, особенно творческую, не любил, но не злой, не мстительный, не угодничал перед начальством. У меня было с ним несколько столкновений, ругались и мирились. В 1980-х годах он был уже на пенсии. Встретив меня случайно на взморье, затащил к себе, не помянув старых ссор. Даже обрадовался: есть кому отвести душу.

Бывшие мне всегда интересны. Прежде на своих должностях вынужденные помалкивать, говорить что положено, они, выйдя в отставку, ощущают желание выговориться. Когда-то каждое их слово ловили, обдумывали, теперь они вроде никому не интересны. А знали они много. Стоит начать вытаскивать из сундуков памяти залежалые секреты – чего там только нет! Зачастую, конечно, их сносит на обиды, со многими обходились несправедливо, снимают и перечеркивают все прежние

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
заслуги, добром не поминают, больше с руганью. Прежние соратники сторонятся их, к себе не допускают.

Разговор зашел у нас о Хрущеве. Георгий Иванович спросил, знаю ли я, как снимали его.

Конечно, кое-что о снятии Хрущева было известно. Слухи из кремлевских покоев просачивались. Знали об участии КГБ, о том, как Хрущева вывозили из Пицунды в Москву на пленум ЦК, слышали, что творилось на пленуме. Но все это было, оказывается, уже результатом, а началось куда раньше. Вот про это и стал рассказывать Попов.

Летом 1964 года его включили в состав партийно-правительственной делегации, кажется, в Италию. Включили в самый последний момент, вместо кого-то, поспешно. Обычно спрашивают: хочешь – не хочешь, а тут почти в приказном порядке. Поездка была заурядная, без происшествий. На обратном пути приглашают Попова в салон к главе делегации Брежневу. Леонид Ильич, который был тогда Председателем Верховного Совета, сажает его за столик напротив себя, расспрашивает про ленинградские дела, Попов чувствует, что это так, для разбега. Незаметно разговор перешел на Хрущева, имя его не поминалось, речь шла о политике, которая все более умалывает значение партии и партийного руководства. Если дело пойдет так дальше, ЦК лишат роли руководящего органа. Подобные опасения существовали у самого Попова. Исподволь прощупав его настрой, Брежнев дал понять, что необходимо изменить политику, для этого есть единственная возможность собрать пленум ЦК партии и «убрать, удалить по состоянию здоровья»... Принципиально вопрос был решен – так понял Попов – оставлять дальше у руководства Хрущева нельзя. Разделение обкомов на промышленные и сельские ослабило партию, возникла угроза как бы двухпартийной системы. Это никуда не годится.

Сейчас, во времена Горбачева, Попов старательно обходил свою реакцию, очевидно, он поддержал слова Брежнева, и поддержал энергично, так что они заговорили в открытую, не стесняясь. На пленуме важно, как поведут себя такие делегации, как московская и ленинградская. От них многое зависит. Надо, чтобы Попов подготовил ленинградцев, надо прощупать настроение в заводских коллективах, у рабочих города и чтобы были выступающие.

Условились, что Брежнев спустя какое-то время позвонит Попову в Ленинград и тот доложит, как обстоят дела, кто готов выступить на пленуме, разговор будет зашифрованный, договорились, как обозначить Хрущева и пленум.

Так Попов был включен в заговор.

Его рассказ был как бы нейтрален; профессиональная привычка партийных работников избегать личных оценок, излагая факты, имеющие интерес для партии. Брежнев же, к вашему сведению, не в стороне стоял, не призван был пленумом ЦК к рулю, все подготовлено было заранее им самим, так-то вот, господа хорошие, знайте, откуда ноги растут.

Он, Попов, выполнил указание согласно договоренности и в итоге остался не при чем. Снятие Хрущева разыграли как по нотам. Пленум был хорошо подготовлен, подогрет. Выступления шли одно за другим и все в одну точку. Ленинградцы не подкачали. После пленума, когда принялись делить пирог, назначать, переставлять – любимейшее дело, предлагали кое-что, как он выразился, видать, не столкнулись: то ли буйный его характер повредил, то ли запрос был велик. Впрочем, и других соучастников отправили на «ца». Попов поработал несколько лет уполномоченным МИД по Ленинграду и вышел на пенсию. Так что нынешняя откровенность его была не беспричинной.

Никаких других фамилий, кроме Брежнева, Попов не упоминал, как он понял, разработано все было самим Брежневым, все нити он сам держал в руках. За несколько лет до Брежнева подобную же попытку свергнуть Хрущева предпринял Ф.Р.Козлов, тогда второй секретарь ЦК, его постигла неудача. Урок был учтен.

Я спросил у Попова: правда ли, что Хрущев, когда его везли на самолете в Москву, попытался изменить маршрут? Попов подтвердил, что слышал об этом. Подробности он не знал. Подробности, которые мне рассказали, состояли в следующем: посреди полета Хрущев смекнул что к чему, встал, прошел по салону, заглянул к летчикам и обратился к командиру корабля, предлагая ему повернуть на Киев. В это время на

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Украине готовилось какое-то торжество. Летчик отказался. Хрущев настаивал: «Ты знаешь, кто я? Генеральный секретарь партии, если я приказываю, ты обязан подчиниться». Думаю, что некоторый смущающий летчика момент мог возникнуть. Все ж Хрущев, человек всесильный, мало ли что...

Дрогнул бы летчик, посадил бы машину в Киеве, где Хрущев был свой, где он мог рассчитывать на поддержку, – и события могли бы повернуться по-другому. Заговорщики трусили бы, разбежались, кто-то помчался бы в Киев виниться.

Весы истории закачались, достаточно малой ничтожной причины, чтобы склонить чашу. Миг равновесия пришелся на безвестного летчика, страх перед КГБ и страх перед генсеком столкнулись, от непредсказуемого выбора зависели судьбы миллионов. Все-таки он бывает, момент недоумения, когда все оказывается во власти одного человека. Закономерности истории и следствия, логика развития куда-то отступают. Роль личности вдруг становится решающей. И какой личности, совсем не исторической, никому не известной, случайной.

Заговор Брежнева удался. Впервые члены ЦК сняли с поста Генерального секретаря. Они почувствовали свою силу. Но Брежнев-то, этот рубаха-парень, миляга, любитель жизни со всеми ее утехами, открытый, доброжелательный – таков был его образ в первые годы его правления. В таком виде он пришел к власти и пребывал в ней некоторое время. Для меня было открытием, что за этим образом скрывался умелый заговорщик, который, кстати говоря, обезопасил свое правление целой системой предупредительных мер.

«Так они все заговорщики, – сказал Попов, – Брежнев научился от Хрущева. Помните, как было, первое, что сделал Хрущев, став генсеком, принялся сколачивать заговор против Бериин. Затем взялся за Маленкова, организовал его уход...»

Я подумал – это он от обиды, мало досталось. Но, кажется, я ошибся.

Когда Георгий Иванович был на службе, то есть в Смольном, был он страшным ругателем. Матерщинник, более того, был он хамский человек, людей обижал, оскорблял, сыпал угрозами. Московское начальство эти качества в нем почти ценило. Не явно, но одобряло, поскольку считалось это твердостью, необходимой жесткостью. Сталинский стиль даже после разоблачения культа личности все равно ценился. «Твердая рука!» «Спуску не давать, без этой интеллигентщины обойдемся». Я пребывал в то время секретарем Союза писателей в Питере. Иногда меня вызывали на бюро горкома, разбирали разные писательские выходки. Однажды Георгий Иванович стал кричать на меня, я сказал:

– Если вы сейчас не смените тон, я уйду.

– Попробуй, – сказал он, видно, первое, что ему пришло в голову, – попробуй.

Я пробовать не стал, а просто взял и вышел из зала заседаний.

Он закричал мне вслед:

– Это тебе дорого обойдется.

На следующий день меня вызвали к Толстикову, который был первым секретарем обкома, то есть над Поповым был начальник и, соответственно, находился на третьем этаже, а Попов на втором. Толстиков сказал мне:

– Вот тут пришла жалоба на тебя. От Попова. Напиши объяснение.

Я написал довольно резко о том, что не пристало секретарю ленинградской организации так грубо вести себя, да еще на заседании горкома. Ежели он не извинится, я больше в горком ни на какие приглашения приходить не буду. Написал что-то в этом роде. Толстиков прочел. Сказал:

– Вот и прекрасно.

Я говорю:

– Ну и что дальше?

– А ничего, – сказал он и спрятал обе бумаги в сейф.

А было известно, что оба они не ладили между собой, и, как мне потом объяснили, моя бумага была, очевидно, кстати для Толстикова на тему «Вот как он обращается с интеллигенцией!».

Но вот что интересно – ныне, когда Попов был в отставке, это была сама любезность. Я человек отходчивый и не вспоминал про наш конфликт, и он не отличался злопамятностью и, возможно, забыл про то, что между нами было.

Ныне ему хотелось рассказать, выложить какие-то сюжеты из прошлой жизни, события, которые я, писатель, как он считал, должен был увековечить. Я не раз замечал, что ко мне относятся как к хранителю жизненных историй, боясь, что они канут в Лету.

Георгий Иванович был не исключение, скорее это было правило – люди, уйдя из Смольного, или из ЦК, или еще из каких высших инстанций, уйдя на пенсию, преображались, сбрасывали с себя начальническую манеру говорить свысока, не стеснялись хамить. Им было все возможно. Или разрешено. Или сходило с рук. Или положено. Может быть, и положено. А уйдя с должности, освободив свое кресло, они становились обыкновенными людьми, такими же, как мы все, рядовые, и даже в какой-то мере теряли не только начальственное обращение, но и уверенность в себе, и даже, осмелюсь сказать, глупели. Так было и на этот раз. Не могу сказать чтобы Георгий Иванович поглупел, но появилось в нем нечто сверх любезности, желание заинтересовать меня, более того, понравиться, и даже как бы признание того, что я – писатель, его рассказы, его прошлое ныне зависят от меня, что я могу и сохранить и представить его в выгодном свете.

На следующий день после того нашего разговора он позвонил мне на дачу, откуда-то узнал телефон дачный, и попросил (!) о свидании.

Явился он вечером, с бутылкой водки. Предисловие было такое: вчера он изложил не все, может, создалось впечатление, что его выбрали за качество заговорщика, авантюриста и карьериста, способного на коварство. На самом деле никакой выгоды он не получил, можно сказать, даже наоборот.

Мы сидели выпивали, к концу вечера мы оба уже были хороши, и я плохо запомнил наш разговор, а жаль, потому что наговорил он много интересного. Это был тот фольклор, который годами скапливается в каждом учреждении, а тем более в таких, как Смольный и Кремль.

Насчет Хрущева, так он сам был отъявленный заговорщик. Придя к власти, первым делом организовал заговор против Берию. Не побоялся. Рисковый мужик. С помощью генералов скрутил Берию и убрал с дороги. А потом и с Жуковым расправился. Заговорщики люди неблагодарные, они быстро избавляются от своих содельников.

– Помнишь, Козлов у нас был секретарь обкома, а потом в Москву его взяли, Фрол Романыча, членом Политбюро? Стал вторым человеком. Когда Хрущев отбыл куда-то за границу, Фрол стал мастерить свой заговор против Хруща. Осторожно подговаривал членов Политбюро, но на ком-то просадился. И Хрущу донесли. Тот вызвал Фрола и давай его крошить. Что он там ему наговорил, неизвестно, но Фрол вышел из его кабинета бледный и в коридоре на пол грохнулся, инсульт с ним произошел. Доложили Хрущу, так что ты думаешь, он сказал: «Выздоровеет – судить будем, а не придет в сознание – в Кремлевской стене похороним».

Брежнев, его тоже заговор опутал. Он когда износился, когда до маразма дошел, так ведь они, там, в ЦК, не стали его снимать, хотя сам просился, наоборот, держали его до последней минуты, потому что удобен был, при таком одряхлении он их устраивал, управлять им легко было. Это был тоже заговор наоборот.

Если на то пошло, то вся наша история состоит из заговоров. Думаешь, Ленин избежал? У него свои темные дела. Что там у него произошло со Свердловым? До сих пор таят. А можно и раньше в историю посмотреть. Возьми, например, Петра. Какой Софья, его сестра, устроила против него заговор со стрельцами? А как Екатерина Великая на трон забралась? А что с Павлом сделали? В нашей истории заговоры – первое дело. Заговор – основное у них средство борьбы за власть.

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Интересно, что он отъединился от власти и говорил «у них», «они».

Жаль, что я сразу, по свежей памяти, не записал его рассказ, многое позабылось. Там и про Сталина было много, и про убийство Кирова.

Вообще, если по Георгию Ивановичу, вся наша история продвигалась с помощью заговоров. Подвигалась – куда?

Блокада заставила Алексея Николаевича Косыгина работать день и ночь. Дорога жизни, эвакуация людей, станков, материалов. Снабжение фронта. Жданов сидел в Смольном, никуда не выезжал, пил, подписывал награды, произносил речи, докладывал Сталину, и то препоручал это больше Кузнецову, Говорову и другим.

Маленков, приехав в Ленинград по поручению Сталина, чтобы снять Ворошилова, застал Жданова в роскошном бункере – небритого, пьяного. Дал ему три часа, чтобы тот привел себя в порядок и повез его на митинг на Кировский завод.

Сын Маленкова Андрей рассказывал впечатление отца: «Вернувшись в Москву, я ничего не рассказал Сталину о состоянии Жданова, но с тех пор уважение к нему потерял полностью».

Роль Жданова в истории ленинградской блокады ничтожна, по сути, никакая. К сожалению, о ней мало известно, она замалчивается.

Судьба

На берегу Чуи мы увидели двух коров и несколько овец. Они щипали траву. Вокруг них ходила небольшая тощая, с рыжими подпалинами лайка. Пастуха не было видно.

– И не ищите, – сказал нам шофер. – Динка сама пасет их.

– Как так? – удивились мы.

– А вот так. Утром сама пригоняет их, а вечером ведет домой.

Мы приехали к домику, где жила вдова охотника, пообедали.

Начало темнеть. У ворот послышалось мычание. Подошли коровы и овцы. Сзади шла Динка.

Инженер, который ехал с нами, восхитился и стал торговать у хозяйки собаку. Хозяйка долго не хотела продавать, но в конце концов инженер уговорил ее.

Мы уезжали утром в Кош-Агач, а инженер возвращался в Москву. Инженер был очень доволен.

– Вот это собака, – сказал он, – трудяга. Не какая-нибудь болонка. Делает дело, оправдывает свое место на земле. Цивилизация испортила собачью жизнь, лишила ее смысла.

Он не мог нахвалиться Динкой, до поздней ночи рассуждал о смысле собачей жизни.

Осенью, когда возвращались в Ленинград, мы остановились в Москве и заехали к инженеру. Он жил в дачном поселке под Москвой. На калитке висела дощечка: «Осторожно, во дворе злая собака». Мы открыли калитку и пошли к дому. Из будки выскочила черная, в рыжих подпалинах собака и залаяла на нас.

– Динка, Динка, – закричали мы.

Собака остановилась, внимательно посмотрела, вильнула хвостом и потащилась в будку.

Когда мы шли обратно, вечерело. За огородами дач на разные голоса лаяли собаки. Их было множество: овчарки, пудели, доги, мохнатые дворняжки, гладкошерстные дворняжки, и на каждой калитке висели жестянки о злых собаках. Жестянки были эмалированные, совсем как в каких-нибудь конторах. Инженер сказал нам, что такие железки продают в местной хозяйственной лавке.

* * *

Давно я хотел написать про свою жизнь, в ней было много всякого – школа, Ленинград, война, которая у меня заняла четыре года. Был институт, было много горького, была работа в научной лаборатории, были путешествия, романы, можно было бы написать немало интересного про себя. Несколько раз я брался за этого персонажа и каждый раз ловил себя на том, что начинаю сочинять. Пишу не о том, что со мной было, а о ком-то другом, у которого куда более необычные приключения. Появлялся сюжет с закрученной интригой. Вместо моих друзей возникали необычные судьбы, злодеи, враги, герои. Писатель – это сочинитель, фантазер, выдумщик. В результате я опять покидал себя, собственная жизнь оставалась в стороне. Самому себе она оставалась неизвестной. Если б я вникнул, многие события вспомнились бы, может, появилась какая-то осмысленная картина моей жизни. Хотя вряд ли. Пока живешь, прошлое состоит из обрывков, важных и не важных. На самом деле в жизни мало сюжетов, воспоминание состоит из отдельных сценок, поступков, чьи-то лица, снежный морозный вечер, свидание, от которого остались лишь шепот и горячая рука. Годы не хотят выстраиваться в шеренгу, и как только начинаешь искать узор, это уже не ты.

Портфельчик

Разговор зашел о войне. Дмитрий Сергеевич Лихачев вспомнил, как в начале 1941 года он, тогда молодой человек, встретился на улице с известным литературоведом Комаровичем. Встретились они у газетного щита. В те времена в Ленинграде вывешивали газеты для граждан, которые не желали стать подписчиками. Дмитрий Сергеевич и Комарович стояли, читали сообщение о том, как немцы бомбят Лондон. Дмитрий Сергеевич сказал, что, судя по всему, Германия одолеет Англию, у немцев и самолетов больше, и армия у них сильнее, страна лучше готова к войне. Комарович несогласно покачал головой. Англия не та страна, Гитлеру ее не победить. Почему так, заспорил с ним Лихачев, столько стран он уже одолел, чем Англия лучше? А тем, отвечал Комарович, что Англия живет в согласии со своим строем, там все сложилось веками, соответствует и нравам и обычаям народа.

С тех пор Дмитрий Сергеевич неоднократно размышлял над его словами. Лихачев человек прославленный, знаменитый ученый, предпочитал, как он сам говорил, не столько читать, сколько слушать, выслушивать, ибо у каждого человека есть своя мудрость. А что касается Комаровича, то, как известно, он был крупным специалистом по Достоевскому, может, лучшим.

Высказывание его насчет английской непобедимости исторически определяет прочность государства. В самом деле, почему немцы завоевали одну за другой европейские страны, Англию же не сумели? Помешал им не Ла-Манш, помешало то, что английская жизнь за столетия породила прочный каркас государственности, удобный англичанину, ему по душе и эта монархия с принцами, дворцовыми парадами, лорды в париках, неизменность строя. Это его страна, иного здесь быть не может, нет других вариантов.

Войны выигрывают не силой, не самолетами. Числом и умением можно выиграть сражение, победа приходит не от армии, а от знамен, от того, что на знамени.

Известно, что англичане проигрывают все сражения, кроме последнего. Поговорка эта говорит об устойчивости страны. Мы тоже проигрывали войну, по всем расчетам немцы должны были выполнить план «Барбаросса», дойти до Урала. В военном отношении они по всем статьям были сильнее нас. На самом деле непонятно, почему они проиграли. Мы победили потому, что воевали против оккупантов, наша война была справедливой войной, с первого же дня мы знали, что победим. Моральное превосходство было важнее превосходства авиации.

Комарович... Рассказ о нем не кончился. Началась блокада Ленинграда. Где-то в январе 1942 года, в самый пик голода, жена и дочь привезли его на саночках в Дом писателя на улицу Воинова в стационар. Однако стационар еще не открылся. Назад везти его уже не было сил, они оставили его лежать на саночках в коридоре. Он лежал, прижимая к себе портфель с рукописями. Когда через два дня стационар открылся, он был мертв. Жена и дочь в эти дни эвакуировались по дороге жизни.

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Лихачев сам пережил блокаду и знал что почему, и все же в его рассказе сквозило некоторое осуждение родным Комаровича. На моей же памяти было несколько историй такого рода. Жена привозила мужа в госпиталь, в стационар, потому что взять его в эвакуацию было невозможно, она брала детей. Блокада ставила перед беспощадным выбором. Одна женщина рассказывала мне, как она оставила мужа-доходягу, дистрофика, распрощалась с ним и оставила помирать, а сама с двумя маленькими, погрузив их на саночки, поплелась на Финляндский вокзал и уехала. Говорила, что муж ее благословил на это. Когда рассказывала это спустя тридцать пять лет, рыдала.

Что стало с тем портфельчиком Комаровича, не знаю, но знаю историю про другой портфельчик.

* * *

Дело писателя – пытаться понять другую сторону, людей, которых мы намерены осудить. Какие у них мотивы? Что бы я сделал на месте родных Комаровича? Стоит себя поставить на место осуждаемых, и начинаешь понимать, что у них имелись свои причины. Для этого, конечно, надо знать подробнее их обстоятельства.

Замечательный палеонтолог и прекрасный человек Сергей Мейен незадолго до своей ранней смерти выдвинул так называемый «принцип сочувствия». Суть его сводится к простому как бы замещению: «поставь себя на его место».

Практически это требует подробностей, требует потому, что побудить чувство, которое бы заставило переместиться на место своего, допустим, противника, того, кого готов обвинить в серьезных грехах или уже обвинил, – ох как не просто.

«Исследователь, выдвигающий новую, пока еще интуитивную теорию, чувствует ее оправданность... И принять эту теорию может на этой стадии лишь тот, кто чувствует то же, кто опирается на принцип сочувствия (соинтуиции)».

Критик жаждет одолеть интуитивно неприемлемую идею, сокрушить интуитивно ненавистного противника.

Мейен оговаривается – не может быть сочувствия к лысенковцам, ибо они силой насаждали безграмотное учение. Сама же наука гуманна и требует гуманного подхода, без этого истину не добыть. Истина – не дитя борьбы в науке. Метод борьбы так же мешает, как признание победы, поражения, разгрома, разоблачения и прочих предрассудков в науке. К ним относятся и пресловутые споры о приоритете, которые ведутся еще издревле. Наука не заинтересована в борьбе. В науке нет судей.

Сергей Мейен считал, что надо мысленно стать на место научного оппонента и изнутри, с его помощью рассмотреть здание, которое он построил. Каждый ученый лучше, чем оппонент, знает слабые места своей теории. Во время полемики он старается прикрыть их. Если он добивается не победы, а истины, то он попытается сам рассказать о своих трудностях, по доброй воле, надеясь на взаимопонимание. На такое способен ученый, который прежде всего хочет понять оппонента, а не переубедить его. Употребить свою личность на то, что может обеспечить торжество взглядов того, с кем ты годами спорил, опровергал, доказывал его неумение, его заблуждение, а и возможно, высмеивал, для этого, знаете ли, надо подняться над собой, это, если угодно, моральный подвиг.

Ведь мы тут имеем дело не с логическим доказательством ошибки. Напишут тебе на доске расчеты, выводы, решения, и деваться некуда. Тут материя иная – интуиция. Она у тебя одно подсказывает, у другого другое. Когда интуиция переходит в убеждение чувств, тогда отказаться от этого куда как трудно. А чувства имеют способность делать нас глухими, перейти из убеждения в монополию. Интересно было бы показать такого ученого-праведника. Тем более что я знал его, Сергея Мейена, который старался свои принципы осуществить личным примером.

Биолог Уильям Ирвин говорил: «Едва ли постигнешь истину, гоняясь с полицейской дубинкой за заблуждениями. Нужно гоняться за самой истиной».

Для писателя оппонент его герой. Причем не только главный, все герои оппоненты. И интересно понять каждого, понять его жизненную идею, мотивы его поступков. Это

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru отличало Достоевского. История иногда ломает время, и на этих переменах человек открывается совершенно по-иному. Так, что мы можем оценить его иначе, иногда совсем иначе.

Совершенно шекспировский злодей Лаврентий Берия, личность зловещая, преступная, повинная в десятках тысяч убийств, коварный мастер провокаций, заговоров, к тому же преступный сладострастник, он превращен был в классический образ дьявола, исчадие ада, он стал одним из самых ярких исторических героев зла: Торквемада, Малюта Скуратов, Коммод, Нерон, Гитлер...

В 1999 году я услышал про книгу Р.Пихоя «Советский Союз: История власти». С трудом раздобыл ее. Напечатана она была малым тиражом – 100 экземпляров. Автор возглавлял Архивное управление, ему были доступны самые запретные прежде материалы. Книга была полна для меня открытий.

Может, наибольшее впечатление произвела публикация документов о Л. П. Берии.

После смерти Сталина, оказывается, первым, кто решился на проведение реформ, был Берия. И каких реформ! Он предложил нормализацию отношений с Югославией. Это он в 1953 году предложил «отказаться от всякого курса на социализм в ГДР и держать курс на буржуазную Германию». Он считал, что все должен решать не ЦК партии, а Совет министров, ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой. Он, например, настоял на том, чтобы на демонстрациях не носили портреты вождей, не украшали ими здания. Кстати, отнюдь не мелочь для того времени, это было покушение на обрядовое почитание, портреты носили как хоругви.

Он обратил внимание на фальсификацию «дела врачей», и «ленинградского дела», и «дела о Михоэлсе».

Выяснилось еще и «стремление Берии проанализировать национальный состав руководящих кадров в союзных республиках и заменить их местными кадрами» (Р. Пихоя. С. 114).

Такие идеи не оседают внезапно. Думается, они вынашивались годами работы и в Политбюро, и первым заместителем Предсовмина, и министром МВД. Вынашивались тайно, намек на любую из этих реформ был самоубийством. Замыслы реформ не списывают его злодейства. Но можно представить себе, как, продолжая утверждать приговоры и прочие сталинские требования, он ждал той минуты, когда вождь уйдет из жизни и можно будет все исправить, начать делать разумные, даже гуманные вещи. Это уже не сплошной мрак сатанизма, это скорее трагедия зла, муки палача.

Увеличивал список своих злодейств, служил рьяно, чтобы не заподозрили, сохраняя до конца, до последней минуты жизни тирана свое первенство среди соратников-врагов, таких же палачей.

Труп Сталина еще не остыл, а Берия возликовал, не мог удержаться, все свидетели отмечают цинизм негодяя, его радость.

Они, все его верные ученики, соратники, еще не были готовы к реформам, осторожничая, притормаживая советскую колымагу, пятились по указанной дороге, этому же не терпелось. Предлагал свои замыслы. И попался. Стал опасен. Надо было принести кого-то в жертву. Берия был самой подходящей фигурой для возмездия за все репрессии. Его быстро-быстро засудили, конечно закрытым судом, и расстреляли.

Теперь представьте, что ему удалось удержаться. Что он разгадал коварство Хрущева, Маленкова и прочих своих соратников и удержался. Мало того, замирился бы с Югославией. Провел амнистию. Избавил бы национальные республики от русского надзора и т. д. – изменило бы это ход советской жизни? Вполне возможно. Впрочем, тут снова и снова мы попадаем в сослагательное «если бы», каких было много в нашей истории.

Оракул

От ранней эллинской эпохи до Александра Македонского большую роль играл Дельфийский оракул.

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
С ним советовались о походах, выборе мест для поселений и др.

В Библии предсказания, психофизические явления выступают как важный элемент той жизни.

Еще Ф. Бэкон говорил, что суеверия, телепатию не следует исключать из сферы научного изучения. А мы исключили. Сами с усами. Материалисты. Зато получили ясную картину мира, без чудес, волшебства. Все происходит согласно закону тяготения, закону Ома, Архимеда и других ученых людей. Без их законов ничего не могло происходить. И что мы получили?

Кинорежиссер В. Бортко спросил, почему мне не понравился его фильм «Тарас Бульба». Я сказал, что мне и повесть Гоголя не нравится.

– Почему?

– Слишком просто. Убить сына – я это не могу представить.

– Вот вы воевали. Если бы ваш сын оказался на стороне немцев, как бы вы поступили?

– Не знаю, – сказал я.

– Ну все же.

– Я бы не мог его убить.

– Но он предал Родину.

– Все же для меня жизнь сына дороже Родины.

Мы помолчали.

– Я мог бы переехать в другую страну и там жить. Многие мои друзья переехали и наладили свою жизнь. А убив сына, я бы никогда не мог вернуться к нормальной жизни.

* * *

До двух лет ребенок еще глина. Он лепится. Осознанно – родителями, неосознанно – обстоятельствами, непредвиденно – всякими оговорками, случайностями, но лепится. Потом глина затвердевает, и, чтобы что-то изменить, уже надо скалывать, стачивать, нужен инструмент, насилие удаления.

Норвегия

Вода в фиорде неподвижна. Фиорд внедряется в сушу на многие километры, он глубокий, в него могут входить океанские лайнеры. Темный, стиснутый скалами, каменистыми отрогами, он выглядит мрачно. Но когда солнце проникает в ущелье, вода фиорда начинает играть красками, она становится ярко-зеленой, ярко-голубой, из глубины всплывают затаившиеся краски.

Эта неподвижная вода словно сохранилась здесь тысячелетиями, со времен великого ледника, когда земная кора лопнула и в трещины хлынул океан. Вот этот древний океан, может, так и затаился в глубинах фиордов. Во всяком случае, я никогда еще не видел такой воды, ничего общего в ней нет с речной, текучей, играющей. Ни с морями-океанами, где бушуют штормы, работают приливы, отливы, где скользят парусники, яхты, шумят портовые города. В сравнении с ними фиорд безмолвен, он не имеет прибоев, он не знает вспененной волны. Покой фиорда тревожат дожди, снег и, конечно, водопады. Каждый фиорд обеспечен водопадами. Белые вспененные их ленточки спадают со скалистых вершин, прыгают с уступа на уступ, проделывают отчаянные цирковые номера, то расходятся на тонкие нити, то сливаются в пышный пухлый поток, прежде чем достигнут коричневой воды фиорда.

Грузины говорят, что если их страну разгладить, то она займет весь Кавказ, Закавказье и большую часть Турции. Если распрямить извивы фиордов, то береговая

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
линия Норвегии опояшет все Северное полушарие Земли.

Фиорды – украшение страны, ее особенность, ее красота. Красота совершенно отдельная, норвежская. Фиорд, он состоит не только из воды, его красота и скалы, этот черный аспидный плитняк со своим блеском, кое-где он влажно блестит от незримо-тонких струй, тех, что бесшумно сползают с гор.

Горы здесь не похожи на все другие горы планеты. В Финляндии, Карелии они цветные, гранит розовый, серый, сизый, на Кавказе, там горы величественные и человек чувствует свою малость. Здесь у меня возникло другое – ощущение Творца, присутствия Бога, это еще не остывшее «его рук дело».

Эта природа создает чувство самодостаточности. Можно лишь уходить в горы и не тянуть туда провода. Беспроводная жизнь. Хуторская. Она была когда-то вынужденной, сегодня она стала желанной. Роскошь семейного одиночества. Это жизнь вглубь. Японцы часами сидят перед цветущей сакурой, проникаясь чудом цветения. Норвежцы нашли в хуторской жизни свою роскошь, я говорю о современных норвежцах.

* * *

Супружеская чета. Она – помощник врача, он – инженер-энергетик. Я спросил, какая у нее разница в окладе по сравнению с министром здравоохранения. Она сказала, в два с лишним раза меньше, муж, тот сказал, что его министр получает в один и три десятых больше. У них в Норвегии, оказывается, разница не может быть больше чем в три раза. То есть, если, допустим, наш министр получает (как это было опубликовано) около миллиона в месяц, то медсестра в больнице должна получать хотя бы триста тысяч рублей. Подобная цифра выглядит в нашей российской жизни невероятной.

Сорок процентов всех членов советов директоров, депутатов разных уровней должны составлять женщины. Квота эта сорокапроцентная обязательна для всех. Пребывание у власти женщин хочется сравнить с Гольфстримом, все теплее, человечнее, умнее, каждый человек ощущает благодетельность такого сочетания.

* * *

– Да, писать «Блокадную книгу» было безумно тяжело. Я говорю не о том, как тяжело выслушивать все эти блокадные рассказы, сам материал оказался настолько тяжел нравственно, что я от него просто стал больным... В документалистике существуют очень трудные и какие-то неуловимые требования отбора – что можно писать, а чего нельзя. Принимаясь за работу, я полагал: писать можно обо всем. Оказалось – нет! Потому что существуют вещи настолько трагические, настолько невыносимые, что мы с Адамовичем почувствовали: не имеем права взваливать это на читательские души. Возникла необходимость отбора...

Часто мы спрашивали себя: а зачем вообще эта книга? Для чего людям нужно знать об этих страданиях? Ведь больше мы привыкли в литературе к преодолению страданий. Но есть же страдания и непреодолимые, которые страданиями и остаются, когда человек не может забыть о них до конца жизни. Зачем писать об этом?..

Как-то мне позвонили из Новгорода, из библиотеки: «Даниил Александрович, вчера мы провели срочное собрание в связи с вашей книгой...» – «Почему срочное? Что-нибудь случилось?» – «Случилось. Одна женщина проходила по площади, упала, сломала ногу, стала звать на помощь, но никто к ней не подошел. В своей книге вы пишете, как в блокаду голодные, измученные люди помогали друг другу, поднимали упавших, оттаскивая их от края жизни. Почему же теперь, спрашивали мы на собрании, сытые, здоровые люди зачастую проходят мимо чужого горя?..»

Звонок из Новгорода совпал с моими размышлениями. Я думаю: очень важно, чтобы литература тревожила человеческую совесть. Литература вообще делится на два типа: одна убаюкивает совесть, а другая ее тревожит. Если литература стремится к нравственному воспитанию людей, она должна совесть тревожить, должна, как говорил Достоевский, «пробить сердце». И чем благополучнее у человека жизнь, чем она более сытая, тем совершить это труднее.

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Я считаю, что страдания ленинградцев в блокаду не должны пропасть, не должны остаться втуне, ведь эти страдания требовали огромной духовной силы, огромной духовной стойкости, требовали решения каких-то мучительных и важнейших нравственных проблем, проблем совести... Один ученый рассказывал: во время войны он работал в Математическом институте Академии наук, где выполнялись военные заказы, и однажды кто-то потерял там хлебную карточку. И мой собеседник сказал: «Все понимали, что он обречен». – «Почему же вы не сложились, не помогли этому человеку?» – «Если бы мы сложились, чтобы помочь, где гарантия, что завтра другой, третий не сказал бы, что тоже потерял карточку? Вот мы и сторонились этого человека...» Прошло уже столько времени, а мой собеседник, вспоминая про это, не мог отделаться от жгучего чувства стыда...

После XX съезда КПСС и разоблачения культа личности Д.Д.Шостакович произнес удивительное: «Теперь можно плакать».

Слезы – это чувство сострадания, может, главное для человеческой души.

Тогда, в блокаду, нелегкие вопросы возникали, может быть, перед каждым, может быть, ежедневно. Например, женщина рассказывала нам, как она мучительно решала для себя вопрос: кого спасти – мужа или ребенка?.. Вот какой нравственный выбор возникал. Или, сам падая от голода, человек протягивал руку помощи другому, чтобы отвести его от края жизни... Оказавшись в той невероятно жестокой ситуации, ленинградцы вели себя именно как ленинградцы – я имею в виду не «географическое» значение этого слова, а его, так сказать, нравственный смысл. Да, за ними стояли и Пушкин, и Блок, и Глинка, и Чайковский, и все это давало людям новые нравственные силы, когда физических сил уже не оставалось. И то удивительное достоинство, с которым люди умирали, тоже содержит в себе понятие «ленинградец»... Мы с Адамовичем считали, что такие истории должны тревожить человеческую совесть. Жить среди душевного благополучия и безразличия литература не может. К тому же эта работа показала нам, насколько жизнь богаче, сильнее и ярче художественной литературы. Понятие «художественная литература» употребляю в том смысле, что если бы я писал о блокаде: никогда не смог бы придумать ничего сильнее, чем вот эти безыскусные рассказы, из которых тоже складывается понятие – подвиг Ленинграда.

– Вы сами воевали на Ленинградском фронте. А бывать в блокадном городе довелось?

– Раза два или три всего. Один раз нес пакет куда-то, проходил село Рыбацкое и видел, как лошадь, которая тащила сани с патронными ящиками, молоденький красноармеец погонял ее, упала на подъеме и встать не смогла. Как он ее ни лупил, ни бил – она дрыгала ногами и подняться не могла. А тут вдруг откуда ни возьмись налетели люди, закутанные во что попало, с топорами, ножами, принялись кромсать лошадь, вырезать куски из нее. Буквально минут через двадцать остались только кости. Все обглодали... Запомнилось и то, какой был город. Занесенный снегом, высокие сугробы, тропинки между ними – это улицы. Только по центральным улицам можно было ехать на машине. Лежали трупы, не так много. Лежали больше в подъездах. Город был засыпан чистым-чистым снегом. Безмолвный, только тикал метроном из больших репродукторов, которые были повсюду.

Витрины все заколочены. Памятник Петру, памятник Екатерине завалены мешками с песком. Никто из нас не стремился в этот блокадный город...

Жизнь блокадная шла среди разбомбленных домов. Угол Моховой и Пестеля. Дом стоял словно бы разрезанный. Бесстыдно раскрылись внутренности квартир, где-то на четвертом этаже стоял платяной шкаф. Дверца болталась, хлопала на ветру. Оттуда выдувались платья, костюмы. Разбомбленные дома дымили. Пожары после бомбежек или снарядов продолжались неделями. Иногда возле них прохожие грелись. Гостинный двор, черный весь от пожара. В Александровском саду траншеи, зенитки. Траншеи были и на Марсовом поле...

Однажды нам поручили втроем вести пленного немца через город в штаб. Я наблюдал не столько за городом, сколько за немцем, которого вел, – какой ужас был на его лице, когда мы встречали прохожих. Замотанных в какие-то немыслимые платки, шарфы, с черными от копоти лицами. Не поймешь – мужчина, женщина, старый, молодой? Как тени, они брели по городу. Началась тревога, завывали сирены, мы продолжали вести этого немца. Видели безразличие на лицах прохожих, которые смотрели на него. Он-то ужаснулся, а они уже без всяких чувств встречали человека в немецкой шинели...

* * *

В одной старой книге я прочел удивительно простую вещь, никогда раньше она не приходила мне в голову.

«...Людей еще не было, а животные уже были, и куда бы люди ни приходили, местность была уже занята, <...> человеку дана Земля, но не ему одному, и не ему в первую очередь».

Нынче, в октябре 2010 года, мы на Крестовском острове собрались посадить молодой дуб. Несколько дней назад какие-то «вандалы», как их все величают, спилили петровский дуб, тот, что стоял тут, огражденный специальной решеткой. Это был наследник дуба, посаженного Петром Великим 300 лет назад. На месте варварской этой акции хулиганы оставили две пилы. Так что уничтожение дуба было умышленное, продуманное. Зачем они это сделали? Чем мог мешать дуб? Историческая достопримечательность города, казалось бы, ничего, кроме трогательного чувства, не могла вызвать.

Ограда вокруг Александровской колонны на Дворцовой площади украшена чугунными орлами. Их постоянно ломают и уносят. Кто эти похитители, куда девают этих орлов?

Разговор с врачом-кардиологом

«Был у нас больной, мы собирались поставить ему стент. Пятьдесят два года, здоровый мужик, эту операцию все считали достаточной. Один он хотел, чтобы ему сделали шунт, то есть операцию более радикальную. Зачем? Мы его всячески отговаривали. Он настаивал. В конце концов хирурги уломали его. Начали операцию, появился тромб, что привело к смерти пациента. Знать о тромбе он не мог, но что-то было, какое-то предчувствие».

Смерть, оказывается, лучше видится больному, чем врачу. Не всегда, но такие случаи требуют размышления. Что-то есть в человеке, ускользающее от медицинского диагноза, свое чувствилище, и опытные кардиологи к этому прислушиваются. Я сказал «кардиологи», потому что только с ними об этом говорил.

* * *

27 октября 1900 года Л. Толстой записывает в своем дневнике: «...Мы видим то, что вне нас, но не видим того, что в нас, только чувствуем это <...>. Гусеница видит свое засыхание, но не видит бабочки, которая из нее вылетит». И продолжает: «Ходил и думал о том, что если служить людям писанием, то одно, на что я имею право, что должен делать, это – обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат».

«Ходил и думал» – это рефрен его времяпровождения. Думать и писать. Постоянно в работе, думает, потом в дневнике записывает надуманное. Отчитывается. Его дневник – диалог с другим Л. Толстым, придирчивым соглядатаем. Перед ним и оправдывается и исповедуется. Чтение дневников Л. Толстого увлекает не меньше, чем его проза. Это институт изучения Л. Толстого, человека, его сомнений, его проступков, умственных открытий. Ведет наблюдение годами, привык, не может отказаться от самонаблюдений. Ему самому интересно, потому что он, как всякий мыслитель, творец, неисчерпаем. Что еще выкинет? Жизнь ведь все время озадачивает.

* * *

Английская разведка считала, что СССР войну с Германией проиграет. Немецкий Генштаб в результате работы над планом «Барбаросса» доказывал, что СССР не сможет долго сопротивляться. Уверенность и тех и других была обоснована. Сведения о состоянии Красной Армии подтвердились в первые же дни. Для английских военных, для немецкого Генштаба капитуляция России не вызывала сомнений.

Мифы

После очередного покушения на Григория Распутина в 1914 году Р. Вреден, профессор, знаменитый врач, создатель Ортопедического института, по поручению Министерства двора освидетельствовал раненого и «нашел детородные органы пациента в состоянии, которое наблюдается у весьма пожилых людей, что заставило врача усомниться в его способности вообще вести половую жизнь».

Широко известна была репутация Распутина как человека «могучей мужской силы», слухи о его любовных похождениях с А. Вырубовой, императрицей Александрой Федоровной.

Оказывается, это был один из тех мифов, какими был окружен царский двор, да и вся революционная обстановка России. Мифов было много. Одни создавались из слухов, другие складывались и поддерживались сознательно. Они составляли необходимую часть чьих-то исторических концепций. Распутин олицетворял разложение самодержавия. «Россией управляет неграмотный мужик!» – твердила большевистская пропаганда. Слухи о развратных похождениях Распутина, пьяных кутежах перешли в исторические источники и повторяются в энциклопедиях Новейшего времени (2004, 2006 годы).

Этот миф относится к «беспочвенным», таких немало было создано вокруг Гражданской войны, строительства социализма. В сущности, вся советская жизнь была обильно оснащена удобными мифами. Нас, например, учили, как скромно жил В. И. Ленин, как он аскетически питался в годы революции и позже. Народный комиссар Цюрупа падал в голодный обморок, а он ведал продовольствием всей страны. Все это вранье. Ленин в эмиграции жил весьма неплохо, а после октября 1917 года жил и питался роскошно. Так же роскошествовал весь Совет народных комиссаров. Опубликованы документы о продуктах, которые каждому доставляли, – мясо, рыба, масло, икра, ветчина, фрукты и т. п. Килограммами, бочками...

Добавьте сюда шикарные квартиры (экспроприированные), автомобили, дачи. С первых же месяцев Советской власти бриллианты, найденные в сейфе у Свердлова, оргии у Енукидзе, а что творилось в республиках, на местах!

Прочность, долголетие мифа зависит часто от того, насколько он красочен, насколько удобен.

Так, миф о мужских доблестях Распутина здравствует несмотря на Вредена, повторяется в книгах, учебниках.

Сцена в фильме Эйзенштейна – «штурм Зимнего дворца». Никакого штурма не было. Но был замечательный кадр – ворота Зимнего и на них лезут матросы, врываясь во дворец. Так красиво, что никакие опровержения не помогут.

* * *

В русской поэзии гимн любви всю жизнь слагал Алексей Константинович Толстой:

И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.

Как это перекликается с Мандельштамом:

И море, и Гомер – все движется любовью.

* * *

Стоит присмотреться, и оказывается, что каждая коза, петух, любая тварь имеет свою физиономию, ни на что не похожую. Я знаю художницу, портретистку, она рисует лошадей. Может сделать портрет верблюдов. Каждая муха имеет свои черты. Портреты любой божьей твари наверняка можно написать так, чтобы выявить ее нрав, ее отдельность. Я смотрел фильмы о дикой природе, сделанные ВВС. Хороший оператор заснял физиономии обезьян, у каждой всегда что-то свое. Застенчивые, агрессивные, насмешливые. То же и у птиц. Есть какие-то трусливые, есть

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
истеричные. Наглый орел, вдумчивый ястреб. Особенно хороши они в играх. Нам кажется, что у них вся жизнь уходит на то, как чего поймать, пожрать. Ничего подобного. Они все достаточно любопытны, они кавалеры, ухажеры, изобретатели. Мать-природа напридумывала им самые разные способы жизни. Вот птаха, которая залезает под панцирь черепахи и клюет ее паразитов. Надо видеть, какова в это время морда у черепахи – довольная, само терпение.

Птичий остров, тысячи птиц со своими птенцами. Гам, теснота, птичьи толпы. Летит мать с червяком или лягушкой в клюве. Несет поесть своему детенышу. Как его найти в этом столпотворении? Как он не потеряется? Находит, почти сразу, безошибочно. По запаху, по голосу? Орнитологи, может, и знают, но для нас это кажется чудом.

Красота раскраски птиц, насекомых, некоторых животных достойна изучения. Природа порой показывает безупречный вкус. Она преподает нам совершенство форм. Воспринимаем ли мы природу как учебное пособие – вот в чем проблема.

Имя его...

Наше путешествие напомнило мне Данте, мы посещали мир усопших. Кладбище за кладбищем. Кладбища в Германии, во Франции, в Голландии, Бельгии. «Германский народный союз по уходу за воинскими захоронениями» пригласил в эту поездку меня. Как участника войны. Еще потому, что я пытался помогать немецким ветеранам, тем, кто приезжал сюда в поисках захоронений своих близких.

Вообще-то, я люблю кладбища. За их покой, за отключение от будней. Туда приходишь на свидание с вечностью. Кладбища сельские, городские, кладбища заброшенные, некрополи, эпитафии – трогательные, смешные. Памятники, где вкус родных подавляет личность покойного.

Мысли о смерти, о бренности жизни необходимы человеку. Посещая мертвых, иначе видишь живых, да и самого себя. Данте беседовал с душами усопших. Наши усопшие молчали. Но безмолвие их рассказывало о многом.

Воинские кладбища – они особые. Шеренга за шеренгой тянутся кресты. Выстроились как на параде. Только без командиров впереди. Командиры тут же, в общих рядах. Эти кладбища стройные, однообразные. Они впечатляют своей единостью, словно отряд за отрядом чеканным строем сходили в небытие.

Когда посещаешь их подряд, кажется, что Европа усеяна кладбищами. В сущности, это почти единственные следы войны, которые сохранились. К моему удивлению, следы не только Второй мировой войны, но и Первой. Европа бережно сохраняет воинские захоронения Первой мировой войны.

У нас в России, по-моему, не осталось ни одного воинского кладбища Первой мировой войны, или, как ее называли, «империалистической». Хотя русских солдат погибло на ней два миллиона. А в Германии я был на кладбище русских воинов, погибших в Первую мировую войну. Оно содержится в том же идеальном порядке, как и все воинские кладбища: трава подстрижена, надгробия вычищены, так что все имена прочитываются, дорожки посыпаны песком, ограды в порядке.

Раньше на крестах и могильных плитах указывали воинское звание. Теперь нет. Только имя, фамилия, год рождения и смерти. Перед лицом смерти все равны, и офицеры и рядовые. У всех одинаковый крест, как одинакова была пуля. Кладбища американских солдат побогаче – кресты белого мрамора, кругом цветники. Мы проходим через часовню – мемориал. Стоянка для автомашин, туалеты, только что нет ресторана. Это кладбище содержит США, так же как Англия содержит кладбища своих солдат во Франции. Большое английское кладбище среди полей и пашен благодатной земли. Огромный тяжеловесный мемориал, темносерый мрачный камень, тысячи и тысячи высеченных на стенах фамилий.

Французское кладбище Нотр-Дам-де-Лоретт, где тридцать тысяч могил. Солдаты, солдаты Первой войны, Второй. Сюда же подзахоронены погибшие в Алжире, Индонезии. Большая пышная капелла. Играет музыка, дежурят капралы в традиционной французской форме. Театрально, торжественно и без чувства. Это все во славу героев. На Британском кладбище возле Арраса надпись: «Эти имена живут для вечности». На другом кладбище: «Они погибли во славу Родины».

По тому же парадному образцу строились и наши мемориалы. Богатые памятники, начиная от Сталинграда до Поклонной горы в Москве. На Пискаревском (Ленинградском) кладбище тоже стоит каменная упитанная Родина-Мать, но кладбище это отличается от прочих живым чувством скорби блокадников.

Для меня все явственнее обозначалась разница между кладбищами Первой и Второй войн. Кладбища Первой войны и в Германии, и во Франции сооружались в память героев. Кладбища Второй мировой и у победителей, и у побежденных пронизаны памятью о жертвах. Это очень важно, что погибшие на войне и американские, и немецкие, и французские воины ныне становятся не героями, а жертвами.

В Голландии мы посетили немецкое воинское кладбище в Иссельштейне. Кладбище огромное. Во все стороны света тянутся отряды, нет, не отряды – целые полки крестов. Я долго бродил между ними, читая незнакомые немецкие имена, а впрочем, почему незнакомые – это были солдаты, с которыми я воевал, в которых стрелял, которые убивали меня, но не успели. Мои враги, мои бывшие враги. Бродил по кладбищу советских воинов в Гамбурге. Серые плиты надгробий заменяли кресты, надгробия были в полном порядке. Ни одно не поросло мхом. Я читал имена, надеясь найти своих однополчан.

Я бы тоже мог лежать здесь под одним из этих камней, я ведь попадал в окружение и мог, значит, стать военнопленным. Они все здесь были из лагерей и госпиталей. Но странное дело, к концу путешествия на этом немецком кладбище в Голландии, все эти Отто, Гансы, Фрицы предстали предо мною двадцатилетними, двадцатидвухлетними, такими же молодыми солдатами, как и наши. Они все лежали здесь под датами 1943, 1944, 1945 годов. На фронте они вызывали ненависть. Ныне я стоял перед их могилами с тоской и печалью.

В Голландии земли не хватает. Каждый клочок ее отвоевывается у моря, достается с трудом. Зачем сохранять это огромное кладбище? Наверное, потому, что оно впечатляет сильнее любого памятника. Смотритель этого кладбища показал нам выставку. Она расположена тут же, в доме при мемориале. На фотографиях показано, как немецкие школьники ухаживают за могилами. Они приезжают сюда каждое лето. Поначалу голландцы встречали их неприязненно. В голландцах сохраняется тяжелая память о фашистской оккупации, о гитлеровцах. Однако постепенно, год за годом к ним относились терпимее. Ныне, как сказал смотритель, их даже привечают. Дело не в том, что эти дети не имеют никакого отношения к прошлому, что это совсем не те немцы. Дело в другом, в том, что они, ухаживая за этими могилами, понимают ужас и трагедию кровавой бойни, которая называется войной. Гибель тысяч и тысяч лежащих здесь юношей предстает ныне бессмысленной. Они, школьники, видят, как нелепа война, затеянная Германией. Тысячи немецких детей уже прошли через кладбищенские работы. Заслуга «Германского народного союза по уходу за воинскими захоронениями» состоит не только в уходе за этими воинскими кладбищами, но и в том, что они стали средством воспитания мира. Ныне создаются международные лагеря, школьники разных стран ухаживают за воинскими захоронениями, без различия национальностей... французские, канадские солдаты, английские, американские, немецкие, советские – для детей они все одинаковые жертвы мирового безумия 1939–1945 годов.

Интересная это организация – «Германский народный союз по уходу за воинскими захоронениями». Я был в их главном офисе в Касселе. Смотрел, разговаривал, и, как я понял, кроме того, что они содержат эти кладбища, причем не только за счет государства, но и за счет пожертвований, они решают еще несколько задач. Воспитывают уважение к памяти погибших. Воспитывают сочувствие к жертвам войны с обеих сторон, без различия национальностей. И третье. Кладбища солдат – это средство осознать ценность мира. Эта работа против войны.

Для меня несколько неожиданно было посещение Музея Первой мировой войны 1914–1918 гг. в Перроне (Франция). Музей и научно-исследовательский центр. Музей рассказывает ход Первой мировой войны, историю крупных сражений. Музей, я бы сказал, архисовременный. В каждом зале видеорекамеры, где непрерывно идут фильмы времен той войны, чем-то милые, чем-то смешные. Они показывают первые военные самолеты, дирижабли, как с них стреляли, бомбили. В другом зале показывают пушки, танки той войны. Она кажется почти игрушечной. Смешные винтовки, скачут кавалеристы. Они еще с саблями. В холле музея выставка детских рисунков о Первой мировой войне, как они ее себе представляют, посетив музей. Дерутся солдаты в касках, окопы, стреляют пушечки. Для детей это все равно что римские войны

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Цезаря. Я не сразу понял, откуда такое внимание к той, казалось бы, позабытой всеми войне. И вдруг догадался – все же это была победа для Франции. Это украшение ее военной истории. Особенно после горького поражения в войне 1870–1871 годов. Они, французы, тоже не свободны от культа победы, столь хорошо знакомого нам. Увы, та победа не сослужила им своей службы в следующей войне с Германией. Я не стал воспринимать этот музей всерьез, да он и не располагал к этому. Он большой, светлый. За стеклянными стенами парк, пруды, лебеди. Но музей – подробный, и научно-исследовательский центр при нем ведет большую работу – разыскивают безвестные захоронения на полях бывших сражений Первой войны. Находят останки солдат, идентифицируют их, устраивают захоронения, а те, чьи имена остались неизвестными, – им пишут на кресте «Имя его известно Богу». Трогательная эта надпись часто встречалась мне на разных кладбищах.

Девяносто лет прошло с окончания Первой мировой войны, а французы не успокаиваются, стараются похоронить каждого ее солдата. Вроде неблагодарная, тяжелая работа по розыску останков идет и будет идти дальше, потому что ни один солдат не должен остаться непохороненным.

Мне не хотелось сравнивать наши воинские кладбища с европейскими, не хотелось вспоминать о миллионах наших солдат, чьи останки рассеяны по лесам и болотам, по дорогам наших отступлений, да и наступлений тоже. Даже те кладбища, которые мы сооружали, кое-как долбя мерзлую землю, водружая в головах латунную снарядную гильзу с выцарапанной на ней фамилией, даже они с годами куда-то исчезли.

В Германии есть закон, по которому воинские кладбища охраняются вечно. Могилы их – забота и попечение государства. В Петербурге на Марсовом поле сооружены братские могилы. Когда-то для меня «братская могила» звучала как нечто почетное. Сейчас она мне кажется понятием варварским. Почему «братская»? Почему сваливали в одну кучу тех, кого считали героями? На Марсовом поле похоронены жертвы февральской, а затем и Октябрьской революций. Впрочем, на камнях надгробия высечены слова Луначарского: «Не жертвы – герои лежат под этой могилой». Слова, которыми мы когда-то восхищались, как странно и сомнительно они звучат сейчас. Может быть, все-таки жертвы, а не герои...

Последнее

Какому-то любознателью пришла в голову причуда: собрать воедино последние слова перед смертью, сказанные известными людьми. Великими людьми. Слова прощания с этим миром. Завершающие. Если человек знает, что он уходит, – естественно желание что-то сказать на пороге. Были счастье, любовь, страдания, были мечты, что-то понял, что-то сделал, а в итоге, когда все кончилось, поскольку конец неизбежен, каждый, тем более великий человек, готовится к уходу. И где-то в глубине души представляет это прощание. Что-то хочется ответить на причастие.

Последние свои слова произносили и до Рождества Христова, и в Средние века. У постели умирающих императоров, философов стояли близкие, придворные. Кто-то потом увековечит, кто-то присочинит. Были слова странные

Папа Борджиа (1503 г.): «Погодите минуточку».

Великий Гегель (1831 г.): «И он не понял меня».

Король Генрих VIII (1589 г.): «Монахи, монахи, монахи».

Известно, что Гёте воскликнул: «Света!»

А Генрих Гейне (1856 г.) не удержался от усмешки: «Бог простит меня, это его ремесло».

Бетховен: «Комедия окончена!»

Однажды мы с моим другом Володей обсуждали это странное собрание прощаний, и он спросил меня: «А ты что бы сказал?»

Я пожал плечами: «Я не великий человек, я не обязан что-то изрекать».

На самом деле это была отговорка. Великий тут ни при чем, у каждого осталась

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
жизнь и свой счет к ней. Шли годы, вопрос Володи время от времени вспоминался мне. Ответ интересен был прежде всего мне самому. Они были разные, но все вдруг сошлось в одно: «Спасибо». За все, что было, за все, что испытал, видел, успел.

* * *

С 6-го класса или, пожалуй, с 7-го я вдруг почувствовал, как хорош мой класс в новой школе, сколько в нем разных ребят, и все мне интересно. Даже этот парень угрюмый, помню только его прозвище Ван дер Люббе. Прошло столько лет, а я помню весь класс, всех тридцать шесть человек. Всех вспоминаю с любовью. Егорова-Горскуа, две блондинки-подружки неразлучных, Женя Лякшина, которую я прозвал Междуляшкина и за это меня таскали к директору, Муся Букашкина. Боже мой, сладостно даже вспоминать их имена и фамилии, без всяких фотографий медленно проступает в памяти их детский облик.

Что такое класс, ведь его специально не подбирают? Это стихийно собранное сообщество. И складывается оно по каким-то своим таинственным законам, каким – никто не знает, может кто-то изучает, какие-то психологи, но, к счастью, результатом этих исследований не пользуются, а как испокон веку школьный класс появляется, так это и получается. Между тем это весьма важная часть школьной жизни, может, важнейшая. Считается: первое – хорошие учителя, второе – семья. Они формируют, учат школьника, и почти никто не учитывает такую составляющую, как класс. Наш класс я любил и мчался утром с удовольствием в школу. Моя дочь не любила свой класс и шла в школу без особой охоты. А бывают ведь такие классы, из-за которых вообще не хочется учиться.

В классе есть свои лидеры, свои гении, свои обалдуи. У нас в классе был один отпетый хулиган – Юзя Ш. Его всегда наказывали, он дерзил учителям, хамил. Сидел на задней парте и оттуда отпускал свои ядовитые, порой нецензурные прибаутки. Его выставляли из класса, вызывали родителей, предупреждали, он избивал непокорных, руководил драками с соседней школой, имел кастет свинцовый, принес и продал кому-то из нас финку – в общем, допрыгался до того, что его исключили из школы. И что вы думаете? Класс, который страдал от него, злился, может быть, даже стыдился его, класс наш сразу как-то поблек и многое потерял в яркости своей внутренней жизни. А еще вот тот парень, Ван дер Люббе, тупой, скучный, неинтересный, а когда он заболел надолго, нам его стало не хватать и даже ходили к нему в больницу. Нет, класс – это поистине таинственное произведение неведомого художника, витраж, свет которого надолго определяет душевный наш климат.

* * *

Ко мне, как «душеведу» (все же писатель!), обратилась одна девушка. За сердечным советом. Рассказывает про Него. О том, как в Его присутствии она дуреет, говорит глупости, глупо смеется. Никак не может быть сама собой. Глаза закатывает. «Он не знает, какая я на самом деле».

Я любовался, как она сбивчиво, задыхаясь от волнения, жалуется на себя, вся пылает от стыда за свой трепет, голос пересох, руки еле удерживает. Хороша стала, вся прелесть молодой любви проступила.

– Ты же не притворяешься. Ты так переживаешь Его, это же от любви, а хочешь быть не самой собой, дуреешь, и прекрасно. Самый счастливый период у тебя. От любви не умнеют.

* * *

Американцы первыми начали борьбу с курением. Государство начало. Во всех штатах. Они же стали бороться с пьянством. Стремление к уважительному отношению к женщине сперва приобрело чрезвычайные, крайние меры, даже карикатурные, но в сухом остатке это все же стало давать результаты. Экология все больше становится из политики традицией. Здоровье нации заботит все слои власти.

Но самым значительным достижением страны явилось уничтожение в стране сегрегации. Уничтожена она, может, и не совсем, но путь пройденный – от убитого

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Мартина Лютера Кинга в 1968-м до выбора президентом чернокожего Обамы. Дстойна удивления работа, совершенная с американским менталитетом за сорок лет. Значит, можно так круто, так успешно повернуть народ к лучшему. Чуть ли не половина голосов за Обаму – это что-то значит?

Так просто перечеркнуть США, объявить их преступной, аморальной, недостойной страной, все это ради злободневной пропаганды – это рассчитано на малограмотного обывателя – любителя врагов: без врага не на кого сваливать свои беды и неудачи.

Мы так много хотим, а жизнь коротка и непредсказуема. Мой комбат требовал землянку всегда строить в три наката. «Не важно, сколько мы тут пробудем. Может, завтра уйдем, все равно – стройте в три наката». То есть жить надо надолго.

Лучше не отвечать, а перевернуть разговор так, чтобы самому спрашивать. Отвечая, не сразу найдешь правильную формулу, нет, куда выгоднее задавать вопросы. Тут не ошибешься, позиция много раз удобнее.

Хиромант

Известный лермонтовед Виктор Андроникович Мануйлов был, ко всему прочему, хиромант. Этому искусству его научила в молодости одна старуха в Тбилиси. «Хиромант, – говорил Мануйлов, – обладает нравственной силой». Известны были его точные предсказания Г. Улановой, С. Есенину, А.Н.Толстому. Он предсказал Толстому не ехать в Минск. Это было за два дня до Великой Отечественной войны, 20 июня 1941 года.

Я видел хиромантов в Японии. Они сидели в ряд на солнечной улице на скамеечках, как чистильщики сапог. Над ними висели изображения ладоней, испещренные линиями, похожие на географические карты. Реки, дороги, проселки... Заглянуть в свое будущее не хотелось. Когда Мануйлов взял мою руку, я воспротивился. «Ерунда, – решительно сказал он, – вы правы, это не более чем дорожные знаки. Подъем, спуск, перекресток. Все же от этих предсказаний не отказывайтесь».

Он сослался на книгу Иова. Там есть слова о печати Господа на человеческой ладони. Позже я нашел эту фразу. Две тысячи лет держится вера в предназначенность. Была – не была, я согласился. То, что Виктор Андроникович предсказал, в какой-то мере сбылось. Пожалуй, в большой мере.

Сам по себе он никак не походил на мага, на прорицателя. Ничего волшебного в нем не было. Были кое-какие особенности: вытянутая огурцом голова. Безукоризненная воспитанность. Может, она-то и привлекала к нему студентов. Одна за другой они посещали его. Я наблюдал это в Доме творчества в Комарове. Комнаты наши соседствовали. Прелестные девочки приходили и спустя час-другой выходили от него счастливые. Мы все удивлялись, завидовали, ему было за пятьдесят, и нам казалось это недопустимым.

Только Римма знала предсказание Виктора Андрониковича. Это произошло при ней. Она мне никак не отозвалась, и я не стал обсуждать. Но позже я часто припоминал его слова. Все же это удивительно – носить с собою предсказание судьбы, полученное свыше. Ни выкинуть, ни запрягать. И ничего не изменить в линиях, никак не подправить.

В СССР слово хиромантия даже исключено было из энциклопедии. Оккультного боялись. Оно таило в себе непредсказуемое. А главное – неуправляемое.

Предсказания Мануйлова сбывались. Я вынужден был поверить в хиромантию. Иногда, правда, закрадывалась мысль: может быть, сбывается потому, что я поверил Мануйлову?

Неизвестный солдат

Правду о потерях выдавали порциями, иначе бы она разрушила все представления о сияющем лице Победы. Все наши полководцы, маршалы захлебнулись бы в солдатской крови. Все наши монументы, триумфальные ворота выглядели бы ничтожно перед полями, заваленными трупами. Из черепов можно было бы соорудить пирамиды, как на верещагинской картине. Цепь пирамид – вот приблизительный памятник нашей победе.

В «Блокадной книге» мы с Адамовичем написали цифру погибших в блокадном Ленинграде – «около миллиона человек». Цензура вычеркнула. Нам предложили шестьсот пятьдесят тысяч – количество, которое дано было министром Павловым, оно оглашено было на Нюрнбергском процессе. Шестьсот пятьдесят, и никаких разночтений! Мы посоветовались с историками. Валентин Михайлович Ковальчук и его группа, изучив документы, определили – восемьсот пятьдесят тысяч. Жуков в своих мемуарах считал, что погибло «около миллиона». Дело дошло до главного идеолога партии М.А.Суслова. После многих разборок в обкоме партии, горкоме подтвердили указание: шестьсот пятьдесят тысяч, «не больше». Утверждали люди, которые не воевали, не были блокадниками, у них имелись свои соображения. Павлов заботился о своей репутации, он «обеспечивал» город в блокаду продуктами. Суслов хотел всячески сокращать потери войны, дабы не «сгущать краски». Когда война кончилась, они стали секретить потери, накладывали румяна. Победа должна выглядеть счастливой. В войну потери никого не интересовали. После войны Сталин и его подручные выдали для истории победы цифру потерь – семь миллионов. Что сюда входило, не раскрывали. Как бы и фронтовые потери, и на оккупированных землях. В Энциклопедии Великой Отечественной войны вообще слова «потери» нет. Не было потерь и все.

Затем в 1965 году, во времена Брежнева, цифра потерь скакнула до четырнадцати миллионов. Еще несколько лет, и разрешили опубликовать двадцать миллионов. Следующую цифру военные историки выпустили уже спустя четверть века – двадцать семь миллионов. Опять же обходя всякие расшифровки.

Ныне говорят о тридцати миллионах.

Пример Ленинградской блокады характерен. Даже добросовестные историки не учитывают погибших на Дороге жизни, в автобусах, что уходили под лед, и тех, кто погибал уже по ту сторону блокады от последствий дистрофии, и те десятки, сотни тысяч, что в июле, августе бежали из пригородов в Ленинград и здесь вскоре умирали от голода, от бомбежек «неучтенными». Не потери обесценивают подвиг ленинградцев, а идеология руководителей: человеческая жизнь для них ничего не значила. Будь то горожане-блокадники, будь то солдаты на фронте, «невыгодные» потери, будь то сотни тысяч, можно и не учитывать.

Главная у нас могила – Неизвестному Солдату.

* * *

Одно дело воевать, другое – командовать. Стрелять да укрываться, да гранаты кидать, это – понятно, а вот обойти противника так, чтобы не в лоб, перехитрить. Генералу соображать надо.

Соображать они сообразили бы, если б им позволили. Так ведь им приказ: «Прорваться, и никаких гвоздей, а сколько угробите, знать не хочу».

Мы-то быстро научились, а нашим комбатам труднее, у них с генералами разговора не получалось. «Взять. Прорвать оборону противника. Что значит „уложил полсотни“? Знать ничего не хочу!»

Я слышал, как в штабе командующий армией генерал Смирнов орал на другого генерала: «Все считаешь, мудака. Ты чего мне докладываешь, на кой хер мне твои потери! Твое дело прорвать оборону!»

Снова требовал – атаки. Снова и снова, матерясь, твердил: «Никаких отговорок». Если бы сам побывал на Пятачке, может, убедился бы, что это безнадежно. Не хотел. Не потому, что боялся, потому, что не хотел убедиться. Может, его тоже не желали слушать. Вот так и воевали.

* * *

Вспомнился мне один разговор с биологом Тахиджаняном у него дома на Каменноостровском. Говорили о том, как человек из века в век, гонимый любопытством, устремляется во все стороны. Вверх, в звездные миры, в глубь океанскую, в глубь земли – копает, копает то там то тут, находит развалины

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
погибших городов, царств, вскрывает древние гробницы. Ему хочется узнать, каким он был когда-то, еще до городов, украшений, до культуры, одетый в шкуры, с каменным топором.

* * *

Человек – это, как заметил один биолог, «государство клеточек», каждая клетка индивидуум. Из них складывается индивидуум человека.

* * *

Колумб искал одну страну, открыл другую, куда более значимую, великую. Непредвиденное открытие, «по дороге», всегда важнее, в нем новизна, оно неизвестность, то, что таит в себе другие миры. Как-то Пикассо сказал: «Я не ищу, я нахожу». Это дар гениев.

* * *

Три четверти земной поверхности занимает вода. Реки, моря, океаны. А еще есть воды подземные. Огромный водный мир нами не познан. В его глубинах идет неведомая нам жизнь. Между тем мы прежде всего связаны с водой, она наша самая близкая родственница. Наша жизнь начинается в гидросфере, первые девять месяцев, как говорят, блаженного состояния мы проводим там.

Не успев ознакомиться с жизнью воды в морях и реках, мы безжалостно испакостили их. Вообще человек – пакостник природы. Сыновья неблагодарность все больше позорит нас. Природа нас вырастила, и чем же мы ей отплатили – «бандитским лозунгом», как назвал его В.П.Трошин, – «Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача». И берем, грабим ее, безоруженную, беспощадно, немилосердно.

Ведем себя хамски. Как последние жлобы. И это все образованные ученые специалисты, умники, любители рассуждать о гуманности.

* * *

Арманду Хаммеру было восемьдесят восемь лет, когда я с ним встретился в Америке. Он был бодр, весел, подтянут. Щеголял своей памятью. По-прежнему возглавлял компанию «Оксидентал петролеум». В 1920-е годы он был в России популярной фигурой. Единственный американский предприниматель, «допущенный», принятый в Советской России. Он хвалился мне: «Шестьдесят лет назад я имел единственное личное авто в СССР». Я не стал с ним спорить, предпочитаю слушать. Далее он принялся агитировать меня разрабатывать добычу сланцев. Они не менее выгодны, чем нефть. Всю работу можно вести под землей, чтобы сохранить среду.

Мы завтракали с ним в колледже, которому он помогает.

Вечером у Норманна Казинса я встретился с еще более интересным человеком – Рейем Брэдбери. Грива желто-серых волос, мальчишеские манеры. Этаким Том Сойер. В петлице значок «Вояджера» – Юпитер на синем небе. Брэдбери был переполнен идеей отправки ракеты к Юпитеру. Возможно, ракета уйдет за пределы Солнечной системы, на что кто-то ему заметил, что эмиграция – акт предательства, как считают русские. Все засмеялись. Вспомнили вчерашнее выступление Анатолия Иванова. Был у нас такой член делегации, писатель в то время популярный, главным образом за счет телевизионных сериалов, таких как «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень». По его романам. Толстенные книги, к сожалению, ничего о них сказать не могу, не читал. Он резко выделялся в нашей делегации. Представлял партийно-большевистское начало и был придан нам, «либералам», в нагрузку, чтобы не забывались. Так вот, вчера он на дискуссии выступил, заявив, что быть эмигрантом некрасиво, более того, это предательство, измена родине своей. У нас, в России, такое сошло бы, более того, считалось бы «идеологически выдержанным», здесь же, на этой половине земного шара, оно для американцев прозвучало скандально. Они все были эмигранты. Они все из эмигрантов, вся Америка, кроме индейцев, создана из эмигрантов, поэтому они даже не позволили себе возмущаться. Переглядывались, улыбались.

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Пожимали плечами. Диковинное невежество русских бесполезно было опровергать, а может, не невежество, а предрассудок, шут его знает, как они это оценивали. Они предпочли не обсуждать этого нелепого выпада, а мы предпочли не спрашивать. Не знаю, понял ли Анатолий Иванов их реакцию. Вполне возможно, что не понял, а был убежден, что вправил им всем мозги, поставил их, изменников и предателей, на место. Герой – сказал им, кто они на самом деле.

* * *

У себя в тетради я нашел запись: «Рассказ Паустовского о встрече с Дзержинским в Москве во время ликвидации анархистского мятежа» и дальше чистая страница. Видно, хотел продолжить. Что-то помешало. Отложил? Теперь не вспомнить, ни за какие коврижки. Паустовский был великолепный рассказчик. У него было несколько устных рассказов про его друга, детского писателя Фраермана, автора повести «Дикая собака Динго», про Аркадия Гайдара, про Бабея. Не знаю, записаны ли они где-то.

* * *

Сколько лет ложь, ложь. Никто не сказал с трибуны, что#180; на самом деле он думает.

Не рассказал своим иностранным гостям правды.

Редакторы редактируют не в сторону правды, а в сторону вранья.

Учителя огибают все то, что «не соответствует», на вопросы ребят исхитряются ответить, как им указано.

Всюду врут – по радио, в печати, лишь в черепах укрыта измученная страхом и немотой правда.

Память народа

Казенная память обращается с исторической памятью без жалости. Триста лет Царицын хранил память о пребывании Петра и Екатерины в городе и отметил это в названии улицы Петровской. Местное же начальство, ничтоже сумняшеся, переименовало Петровскую в ул. Чуйкова. Но кроме казенной, оказывается, существовала и другая, сокровенная память народа.

Став на царскую службу, Петр начал свои беспрестанные поездки по России. Я никогда не представлял себе масштабы этих поездок, они насчитывают 131 населенный пункт, от севера до юга, от Архангельска до Каспия и вширь по России. От больших городов до малых поселков, а во многих Петр побывал неоднократно. Это длилось на протяжении всей его жизни. Пешком, на лошадях, в карете, в двуколке, как служивый человек в командировках. Для Петра престол был именно службой, как никто он служил Отечеству, позже это превратилось в привычную формулу. Для Петра Отечество было его хозяином, и он служил этому хозяину верой и правдой. Никто из монархов русских, да и из сановников и чиновников, так много не объездил, не посмотрел. Как правило, поездка была не просто любопытством, ознакомлением, была деловая составляющая. Прибыв в Царицын, решает, как обустроить там крепость. В Астрахани, бывая неоднократно, Петр знакомится с производством шелка, селитры, с промыслами рыбы, выясняет природные богатства края, дает указания по строительству верфи. Он обследовал астраханский край и как военачальник, и как судостроитель, и, что интересно, как этнограф, знакомясь с обычаями местных народов.

Память о Петре распространяется не только на места его посещения, но и на его сподвижников. Благодаря стараниям местных краеведов сохранены и ухожены могила Василия Татищева, могила жены Меншикова в Верхнем Услоне (Александр Данилович Меншиков обожал свою супругу).

Существует предание, что город Петровск был основан лично Петром Великим, о том, что Петр посещал впоследствии этот город. Горожане уже в наше время, в 1995 году, в честь 300-летия города поставили памятник царю. Памятник из местных

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
материалов – из каменной крошки, скрепленной цементным раствором.

Сохраняются разного рода памятники. Таков, например, пограничный знак Варашев камень на побережье Ладожского озера, знак этот из розового ладожского гранита обозначал границу со Швецией. Сохраняется усадьба Якова Брюса, одного из друзей Петра. В Космодемьянске часовня Спаса Нерукотворного, построенная «по указу Петра в честь стрельцов, участвовавших в Азовских походах». Имя Петра иногда служило охранной грамотой.

Есть памятники как бы ландшафтные. Такова, например, Царицынская укрепленная линия, построенная при жизни Петра, на этой линии охрану нес патрульный отряд. Считается, что в 1722 году Петр посетил эти места.

Существует примерно 400 подобных памятников в России. На самом деле их наверняка больше. Это не только трогательная дань петровскому времени и личности самого Петра, это еще и понимание значимости его деятельности, это драгоценное чувство историзма.

России не хватает повседневного внимания к своей исторической деятельности и заслугам. У нас почти ничего не сохранилось в память, например, Первой мировой войны, сражений русских войск, подвигов русских солдат в той войне. Нет почти ничего, связанного с историей первых пятилеток, деятельностью создателей советской индустрии, первыми колхозами, совхозами и т. п.

Забота о петровском наследии – это прежде всего забота и местных краеведов и просто любителей старины, желание сохранить все, связанное с легендарной деятельностью первого императора России, даже не столько деятельностью, сколько личностью самого Петра, это удивление и восхищение перед титанической фигурой реформатора. Он вернул Россию Европе. Вопреки многим историкам, которые до сих пор спорят, чем же была деятельность Петра – благом или бедой для России. Это единственное в своем роде собрание народной памяти решает спор в пользу Петра. Вопреки всем, кто изображал Петра как царя-антихриста, как человека жестокого, кто искоренял национальные традиции русского народа. Благодарная память материализована в памятниках, три века они сохранялись и, по возможности, охранялись. В каком-то смысле ее можно считать торжеством любви к Петру, победой над тем забвением, над тем разрушением кумиров, которое постигло нашу жизнь.

Цензура

Нельзя сказать, чтобы с годами рвение мракобесов затихло. Реакционеры, или, как их прежде с удовольствием называли, «ретрограды», всегда были максималистами, при малейших благоприятностях они сразу доходили до потолка, до предела запретности. Во времена Пушкина, за два года до восстания декабристов, что выделяла цензура с таким произведением, как «Стансы к Элизе» Олина, перевод из Вальтера Скотта.

Улыбку уст твоих небесную ловить...

Замечание цензурного комитета: «Слишком сильно сказано: женщина недостойна того, чтобы улыбку ее назвать небесною».

Что в мненьи мне людей? Один твой нежный взгляд
Дороже для меня вниманья всей вселенной.

Замечание: «Сильно сказано; к тому ж во вселенной есть и цари, и законные власти, вниманием которых дорожить должно».

О, как бы я желал пустынных стран в тиши,
Безвестный близ тебя к блаженству приучаться.

Замечание: «Таких мыслей никогда рассевать не должно; это значит, что автор не хочет продолжать своей службы государю для того только, чтобы всегда быть со своею любовницею; сверх сего к блаженству можно только приучаться близ Евангелия, а не близ женщины».

«Чтение Стансов г. Олина, – было в заключении комитета, – может возбудить в читателях, особливо молодых, нечистые чувствования, которые запрещаются 7-ю

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
заповедью и осуждаются Спасителем в Евангелии св. Матвея...»

Во времена Екатерины и то не было такого зажима. На цензуру возлагалась особая надежда на поддержание порядка. Небезызвестный адмирал Шишков видел причину всех мятежей, революций, цареубийств в слабой цензуре.

Гасильники, мракоборцы – каких только названий тогда не придумывали. И больше всего эти гасильники русские всегда, во все времена боялись писателей. Тех, которым впоследствии ставили памятники. При жизни их ссылали, тиранили, убивали. И смерть писателя сопровождалась облегчением и опять же страхом. Испугались скорби народа, когда умер Гоголь. Печати запретили даже упоминать имя Гоголя. Когда Тургенев в маленькой заметке памяти Гоголя назвал его великим человеком, цензура в Петербурге заметку не пропустила. Тургенев напечатал ее в Москве и был посажен под арест на месяц.

«Вот что наделали ваши поэты», – сказал после декабря 1825 года Жуковскому один генерал. На что Жуковский ответил: «Скажите лучше, ваши эпoletы!». Но характерен не ответ, а слова генерала. Литература – вот в чем снова увидели опасность и прямую причину революции.

Доступ к архивам был запрещен, так же как целые отделы русской истории: смерть царевича Алексея, декабристы, дворцовые перевороты – все кончалось «Историей» Карамзина и указанием Бенкендорфа: «Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что только может представить себе самое смелое воображение».

Этой установки и следовали русские историки типа Шевырева и Зотова. Выезд за границу с 1825 года был обставлен всевозможными трудностями. Сергей Глинка называл цензуру тех времен «чугунной». Хотели запретить басни Крылова, того же Глинку посадили на две недели за то, что он пропустил в альманах элегию на смерть юноши, где было сказано, что «волны бьют в его гробницу». Решили, что юноша, очевидно, кто-то из декабристов, а под гробницей подразумевают Петропавловскую крепость. Подразумевают или же могут подразумевать.

Аракчеевская утопия тоже в конце концов имела целью счастье России. Благоденствие русского народа. Только средства были особые, новые, изобретенные Аракчеевым.

Вместо армяков – мундиры, вместо лаптей – сапоги, вместо изб – казармы в линию, многоэтажные, ровные, одинаковые пьедесталы, вместо деревни – поселения, вместо волостей – штабы, вместо бедности – одинаковое довольствие и пропитание, вместо беспорядков – всеобщая дисциплина, граждане по команде встают, по команде засыпают, по команде едят, по команде работают. Все расчерчено и вычислено. Унтер-офицеры ведут народ по пути усовершенствований, и «российская жизнь течет ровно и спокойно под неумолкаемый звук барабанов». Кого из правителей не прельстит подобная идеальная система управления народом? Александр тоже обрадовался, и строительство военных поселений началось. В тогдашней бедной Новгородской губернии строились аккуратные стандартные домики, где была одинаковая для всех мебель – шкафы, двуспальные кровати, одинаковые крынки, полы моют в одно время, свадьбы общие в один день. Нам не нравится немецкая солдатчина, но Аракчеев не немец, а делал он то, что немцам и не снилось. Прогрессивные идеи волновали общество, обсуждались всевозможные проекты, а действительная жизнь была в руках Аракчеева.

Пациент

Хирург был в восторге. Операция прошла блестяще. Это была редчайшая операция, тогда в Питере таких еще не делали. Хирург выступил на семинаре.

Больной – старик-пенсионер, обреченный на смерть, через три дня почувствовал себя здоровым. Хирург пригласил коллег в палату показать спасенного. Старик играл в козла с соседом и исподтишка курил.

– Ну как мы себя чувствуем? – спросил хирург.

– Отлично.

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Скоро будем выписываться.

– Конечно. Пора домой. Эти сволочи, соседи, надеялись, что я помру. Оттяпали кусок участка. Но я им покажу. Буду судиться до победы. Они у меня попрыгают. Скорее выписываться надо.

Когда вышли в коридор, профессор посмотрел на хирурга, покачал головой. Хирург развел руками, что должно было означать что-то понятное им обоим.

* * *

Почти каждый человек на Земле претерпел любовь. У одних большая, у других она была малой. Мужчины, женщины. Будем считать только с начала нашего летоисчисления. С Рождества Христова. У каждого из этих миллионов любовь была своя, неповторимая. Так же как лицо каждого человека. Все имеют нос, глаза, рот, а все люди, жившие на Земле, отличались друг от друга. За тысячи лет не было ни одного повторения. История любви вот так же бесконечно разнообразна. Она повторяется только в плохих романах.

В госпитале врач спросил: что я ел сегодня? Вчера? Позавчера? Одно и то же. Вспоминать просто – полкотелка баланды, 400 граммов хлеба, кусок сахара и сто граммов водки. Врач стал считать по бумажке, вышло у него, при этом количестве калорий в сутки я могу жить полтора месяца. Не больше. 1300 калорий, это на один месяц жизни. Такова норма. У меня получалось не более 1450. После этого думать о любви не хотелось.

* * *

У ворот Кремля и у гостиницы «Россия» стояли группы попеременно с плакатами «Долой КПСС!», «Долой депутатов СССР!», «Защитим Горбачева!», «Верховный совет в отставку!»

На другой день – «Долой Горбачева!», «Долой центральное правительство!», «Защитим КПСС!», «В отставку!» – кричали нам при выходе у Спасской башни. Толпа большая, человек в триста. Депутаты боялись выходить. Им свистели, улюлюкали. А на следующий день кричали: «Не поддавайтесь!» В большинстве бабы, явно нанятые. Кто-то им давал флаги, лозунги, кто-то дирижировал.

* * *

Все же историки равнодушны к тем полководцам, кто легко проливают кровь своих солдат. А уж о жестокости королей, о их коварстве – это самое вкусное. Обсасывают, смакуют, как Александр Македонский убил своего верного друга Пармениона, его сына Филоты, сам заколол копьем Клита. Константин Великий, римский император, царствовал 31 год. Он убил своего сына Крипса, затем жену Фаусту, считал ее главой заговора против приемного сына, которого затем, впрочем, тоже приказал убить. А его сделали идеалом правителя. Историки тоже гоняются за жареным.

* * *

В Нью-Йорке я встретился с Соломоном Волковым, автором книги «Свидетельство» о Д.Д.Шостаковиче. На русском языке эта книга не издавалась. Как объяснил мне автор, он связан обязательством перед издательством. Не имеет права нигде печатать без их ведома. Дело мне знакомое. Я тоже попадал в подобную ловушку, подписывал договор, где издатель оговаривал себе «исключительные права». Книга Волкова существует на английском, наш читатель ее был лишен, и это прискорбно: судя по некоторым отзывам, Шостакович рассказывал не только о себе. У него есть интереснейшие свидетельства о Маяковском, о Мейерхольде, о музыкальной жизни в сталинские времена. Некоторые отрывки печатались пиратским образом в газете «24 часа» (Израиль).

Не могу удержаться от нескольких цитат.

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

О Мейерхольде: «...Трудно себе даже представить, какова была популярность Мейерхольда, с которым я работал и смею сказать, дружил... Его знали все. Даже те, кто к театру и искусству никакого отношения не имел вообще. В цирке клоуны регулярно пели куплеты про Мейерхольда. В цирке любят, чтобы публика смеялась сразу. И про людей безвестных там петь куплеты не будут. Да что там говорить, гребешки продавались под названием „Мейерхольд“».

Далее Шостакович пишет про оперы, симфонии. То, что производится в Средней Азии, сотворено не местными авторами. Хотя их имена проставлены. Настоящие авторы те, кто спасались от арестов, бежали из Москвы, пристроились в республиках, там нанимаются «неграми». Традиционное национальное искусство не подходило, слишком тонкое дело. «Сталин требовал попроще, поярче, как в России говаривали бродячие продавцы пирожков: „Горячо будет, а за вкус не ручаюсь“».

* * *

Поехал я на эти чтения вынужденно. Ректор университета все же уговорил. Это были ежегодные чтения, посвященные Д.С.Лихачеву. На сей раз темой была глобалистика. Ее проблемы. До которых, честно говоря, мне не было дела. На Лихачевские чтения ректор собирал цвет российской интеллигенции, вернее тех, кто числился, вернее тех, кого он числил, – министров, академиков, редакторов, всякую ученую публику «с именами», звездных интеллектуалов, приглашал зарубежных. В этом году съезд был еще пышнее. Много столичных штучек, короче, без меня ему, ректору, было никак. Тем более я был почетным доктором университета, тем более накануне пришлось попросить его службы отремонтировать у нас на даче водопровод. Так что у обоих были свои интересы.

Самолюбия ради я позволил себе опоздать. На полчаса. Думал отсидеться в зале. Не вышло. Провели в президиум. Зал был переполнен. Посол Мексики, Испании, академик N, и NN, и членкор, полузнакомые лица. Ныне для меня они те, кто мелькают по TV. Не появился на экране – не существуешь. Газетные имена, журнальные имена – это прошлый век.

Подошел ректор, попросил выступить. Обязательно. Пожалуйста. Хотя чуть-чуть. Поскольку я представляю. Лицо университета. Уровень и т. п. Да я ж ничего про глобалистику, ни одна мысль о ней никогда не посещала... «И не важно, – шептал он, – что-нибудь, о чем-нибудь». Он был хороший ректор и хороший мужик, а тут еще и водопровод обещал починить на даче.

Тут же попросив следующих приготовиться к выступлению, он объявил меня. поприветствовать, сказать, как все важно, интересно. Обычный набор.

Восемь шагов от стола президиума до трибуны. Ничего другого не придумать. Да никто здесь и не ждет ничего особенного.

Все они прекрасно понимают, зачем меня вытащили. Гранин. Когда-то что-то читали. Писатель. Не Маринина, не Акунин, это из бывших, серьезных... Пока я шел, я наговорил себе много уничижающего, чтоб не заносился. Но затем я обиделся. Какого черта, чем я хуже этих умников, в конце концов, почему не высказаться, такое сборище бывает не каждый день, если уж вылез, давай что-нибудь им такое. Какое «такое»? Свое, собственное, никакой глобалистики, провались она. На все эти размышления ушли пять шагов, не меньше.

Зал, все эти сотни голов – седые, лысые, увенчанные нимбами званий, заслуг, – скрытой усмешкой ждал очередную порцию банальностей, что еще можно ждать от дилетанта, кроме общих слов. Я вдруг увидел их – благополучных, уверенных в том, что они могут что-то изменить, предугадать, куда повернет крот истории, которого они в глаза не видели. Найти бы незащищенное место и выдать. Где оно?

Когда я очутился на трибуне, признаюсь, ни одной мысли, о чем сказать, с чего начать, не было.

– У Чехова есть рассказ «Студент», писатель считал его самым лучшим из множества написанного им. Маленький, на три-четыре странички...

Заговорил я, понятия не имея, что будет дальше, почему Чехов, откуда он взялся. Следовало напомнить, о чем рассказ. Студент, семинарист, идет вечером по

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
проселку, холодно, сыро, видит поодаль костер, направляется туда погреться. Там сидят три бабы. Может, у Чехова было две, но мне важно было другое, что именно, я еще не знал. Студент подсел греться и рассказывает бабам библейскую притчу про апостола Петра, как в такую же холодную ночь он тоже подходит к костру погреться. И кто-то показывает на него – вот этот, он тоже был с Христом. Петр отказывается – убегает и со стыдом вспоминает, как Христос вчера во время Тайной вечери предсказал, что один из апостолов в эту ночь трижды отречется от него, Петр понимает, что это он, он уже в третий раз предал своего Учителя. Отрекся, испугался, ничего не мог поделаться с собой. Что-то я добавлял, коряво, запинаясь, но меня уже несло.

Бабы, слушая студента, заплакали. Покинув костер, он шел, удивленный их слезами, не понимая, какое им, казалось бы, дело до того, что случилось с апостолом Петром давным-давно. Две тысячи лет назад. Удивлялся и радовался.

Чехов вместе с апостолом Петром были на этой конференции ни к чему. В зале в пору было бы покашливать, зашептаться, нет, слушали, видно, чего-то ждали. Я тоже ждал, куда меня поведет. Судьба Петра меня давно занимала. Трижды он предаст Учителя, и Учитель продолжает верить в него, да так, что Петр станет основоположником Христианской церкви. Когда-то я об этом завел разговор с отцом Александром Менем, и толком ничего не добился, кроме того, что раскаявшийся грешник дороже праведника.

Мои заминки меня почему-то не смущали, я словно ждал, и зал ждал, я чувствовал, что контакт продолжается.

– Когда советская жизнь стала уходить, – вдруг сказал я, – Дмитрий Шостакович произнес удивительные слова: «Слава богу, теперь можно плакать». Долгие годы мы все были обязательно счастливы – «Эх, хорошо в стране советской жить!», «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» и т. п. Никаких слез, чему сострадать, когда все так прекрасно. Шостакович обрадовался, но похоже, что мы уже разучились сострадать. Нам ныне не до чужой горести, чужого одиночества, страха, не до чужих грехов, что нам до кающегося за свое трусливое малодушие Петра, до его стыда, отчаяния? Сострадание – с какой стати, что с этого можно получить?

Слезы сострадания – это и есть культура, высшая культура чувств, не знаю, способны ли со всей нашей ученостью, нашими трудами пролить те слезы, что пролили чеховские бабы. Боюсь, что у нас все высохло внутри и навсегда.

На этом я кончил. Было молчание, вот это молчание, перед тем как похлопать, было у меня самое дорогое.

Объявили перерыв, я решил уйти, меня остановил знакомый профессор, сказал, что так нам и надо, подошел другой, сказал, что зря я обидел многих.

Я поспешил уйти. По дороге я не переставал удивляться тому, что ничего ведь не было и откуда-то вдруг вырвалось. Но потом я вспомнил, как несколько раз я пытался понять, почему все же из своих замечательных рассказов Чехов любования этим. Может, то было озарение или предупреждение? Если мы перестали плакать, если слезы сочувствия невозможны, нелепы, глупы, то плохо наше дело.

* * *

«Ваш Петр Великий ввозил из Европы мастеров, которых ему не хватало. Архитекторов, садоводов, печатников, разных строителей. А Екатерина Вторая еще больше стала приглашать, сотни и тысячи, отбирали трудолюбивых, порядочных, талантливых. А ваши правители стали разорять этот капитал, людское наследство изничтожали по-всякому, началась эмиграция за эмиграцией, власть считала себя умнее. Для Горбачева Екатерина не была Великой, а уж для Ельцина и подавно».

* * *

Русская эмиграция первой волны создала свою небольшую по численности, но Русь. Во Франции, Бельгии, Германии. По значимости она вскоре заявила о себе весьма заметно в культурной жизни Европы. А затем и в научной жизни. Русскую эмиграцию

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru составила наиболее талантливая часть творческой интеллигенции. Они раньше других поняли, что им не ужиться с большевиками. Но интересно, что В. И. Ленин довольно точно определил список тех, с кем ему было не по себе, кто ему мешал, кто относился к нему критически... Может, тех, кто превосходил его? Любопытно было бы знать, как составлялся список высланных из России первым пароходом, вторым пароходом. Авторство, да и инициативу, приписывают Ленину. Но кто-то наверняка помогал ему. Списки были немалые, кто-то помогал формировать их.

Не все ясно, как готовили списки на высылку, каково участие Ленина и т. п.

Был послан запрос немцам, согласны ли они принять наши пароходы с высланными. Немцы ответили: «Германия не есть место ссылки, но этих людей мы примем».

Дзержинский (считают его инициатором отправки) вызвал в ЦК философа Бердяева, спросил его, готов ли тот изменить свои взгляды. «А вы?» – спросил Бердяев. И был выслан.

Не угадать

В журналах 1900 года было много фантастических картин жизни через сто лет, научных гипотез и «технических размышлений». Ста лет не прошло, а я с улыбкой разглядываю наивные рисунки: летающих людей и города под куполами. Однако, проезжая мимо уныло однообразных кварталов, я вдруг понимаю, что улыбка моя несправедлива, в общем и целом предки угадывали. Может быть, гораздо уверенней, чем мы. И точнее.

То будущее, которое мы сегодня пытаемся вообразить, может не сойтись с будущей жизнью куда резче.

«Несходимость» возникает за счет неожиданных открытий. Природа неожиданностей такова, что прогнозировать их не удастся, они появляются из озарений, не только из поисков, а и из находок.

В 1885 году в Петербурге вышла книжечка «Чудеса техники и электричества».

Это был полуфантастический рассказ о посещении некоего имения графа В., где все было электрифицировано. Рассказ начинался с поездки:

«Мы уселись в экипаж, запряженный парой в дышле, и тронулись в путь.

Только что мы выехали за ворота станции, как на переднем конце дышла появился свет, направляемый рефлектором и освещающий дорогу перед лошадьми».

Свет оказался электрический! Прожектор, укрепленный на конном дышле, – довольно символическая картинка.

Само имение было роскошно оборудовано всевозможными электрическими светильниками, люстрами, бра, электроотоплением с автоматическими регуляторами температуры. Огороды поливались электронасосами, молотилки, сортировки работали на электродвигателях. Автор на каждом шагу сталкивался с подобными чудесами, но самым большим для него чудом было то, что электроэнергию давали аккумуляторы, которые заряжались ветряным двигателем. Далее автор описывал судоходство по Неве на тех же аккумуляторах, они заряжались с помощью течения реки.

Автор, Владимир Николаевич Чиколев, – не дилетант, не журналист, он был одним из крупнейших электротехников России. Прошло три-четыре года после выхода книжки, и открытие трехфазного тока, трансформаторов резко изменило ход развития электроэнергетики. Не аккумуляторы, а электростанции посылали энергию по линиям передач. Генераторы приводились в движение не ветряными двигателями, а паровыми машинами и паровыми турбинами. С электрокораблями ничего не получалось, зато появились электрические трамваи.

Интересно было бы на большем материале изучить, в чем сбывались и не сбывались описания будущего. Как и куда отклоняется развитие науки и техники, в какую сторону ошибаются воображение и чутье. Что может предусмотреть человечество, какие предсказанные сроки совпадали...

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Наука о будущем, допустим прогностика или футурология, может, очевидно, выявить некоторые закономерности и, кто знает, даже рассчитать некоторые вероятностные модели завтрашнего мира.

Люди устроены так, что в будущем их интересует главным образом хорошее, то есть то, что им представляется хорошим. Всем нравится представлять себе высадку на Луне, препараты долголетия.

Угрозы экономистов по поводу иссякающих запасов угля и нефти не становятся предметом всеобщего беспокойства. Даже предостережения демографов, их устрашающие вычисления особенно не тревожат. И все же именно тревоги, бедствия, заботы будущего помогают объединять человечество.

Становится ясным, что нельзя сегодня в границах одного государства решить, допустим, проблему питания человечества. Проблема обеспечения пресной водой – также всепланетная. Такой же стала проблема борьбы с гриппом, проблема прогнозирования погоды и управления погодой, загрязнение воздуха, океана, проблемы радиоастрономии, борьбы с вредителями растений... Возникает все больше проблем, решать которые можно лишь в масштабе всей Земли.

Современное естествознание, современная техника требуют создания международных институтов. Подобная «коллективизация» средств, умов будет расширяться. Постепенно Земля возникает в нашем сознании как целостный организм. А может, не возникает, а восстанавливается? Выйдя в космос, человек увидел свою планету извне, с точки зрения других миров, и она предстала голубоватой, круглой, единой, и слово «космополит» обрело иной смысл.

Государственные различия все резче входят в противоречие с общностью задач, тайфуны настигают любые корабли и обрушиваются на любые берега. Государственная чересполосица мешает развернуться современной технике.

Надо уяснить, как воздействует прогресс техники на человека, на его мироощущение. Атомная угроза повлияла на психику человечества, вероятно, куда сильнее, чем это нам сейчас кажется. Есть события с другим знаком, но они стоят в том же ряду. Я никогда не забуду взрыв восторга в день полета первого космонавта Юрия Гагарина. Стихийный праздник, толпы на улицах, на площадях городов, наспех написанные транспаранты. Чему мы радовались? Не только тому, что первыми в космос вышли советские люди. Радость была и за величие человеческого разума, это была радость, соединяющая человечество, в этой радости была надежда, противостоящая атомным кошмарам.

Ощущение единства порождалось одновременностью информации. Средства связи позволили всему миру одновременно следить за полетом. Коммуникации создали глобальное сопереживание.

С тех пор возможности соучастия увеличились. Мир может не только одновременно слышать, но и видеть.

Недавнее футбольное первенство мира смотрел одновременно миллиард людей. Во всех странах одновременно ахали, волновались, кричали у своих экранов – цивилизация не знала таких масштабов, таких выбросов психической энергии. Футбол и полет в космос. Интервидение способно транспортировать зрителю любые события. В распоряжении людей появились способы воздействия планетных масштабов. Уже сейчас встает вопрос, что говорить с трибуны для общения со всемирной аудиторией.

Сеть позволяет передавать все, что угодно, кому угодно. Связь каждого человека со всем человечеством возрастает колоссально.

Процесс наращивания контактов уже происходит, и остановить его вряд ли кому-либо удастся. Интернет, транзисторы, магнитофоны, телевизоры, мобильники – количество их нарастает в прогрессии геометрической, сколько-нибудь ценная информация распространяется практически десятками различных каналов.

Мода перенимается сегодня в течение нескольких месяцев. Научные исследования движутся почти вровень в лабораториях Японии, России, Англии, США... Попытки существенно обогнать конкурентов ни к чему не приводят.

Идеи почти одновременно возникают, одновременно реализуются.

Связь людей, их зависимость друг от друга становится порой мучительной, она опережает способность человеческой адаптации. Скорость научно-технического прогресса должна столкнуться со скоростью адаптации человеческого организма. То есть человек не сможет успевать приспосабливаться к новым открытиям и преобразованиям...

Возрастание связей, появление всеобщих забот и усилий – достаточно ли этого для создания гарантии устойчивого существования человечества? Станет ли мир более прочным оттого, что он будет оплетен множеством связей?

Мне кажется, что это реальные силы, которые соединяют людей. Они приобщают их к всемирным событиям, а значит, повышают их соучастие. Конечно, возрастает и опасность использования той же системы коммуникаций какой-то группой в своих интересах.

Грядущее таит в себе не только избавление от многих страданий и опасностей, но и появление новых опасностей. Любая оснащенная лаборатория сможет производить огромные мощности. Или биохимические препараты всеобщего действия. Сегодня изготовление атомного оружия под силу все большему количеству стран.

Если мы не в состоянии предвидеть, как мир новой техники изменит человека, то не попробовали ли понять, как должно быть устроено общество, чтобы устойчиво существовать? Каковы критерии его устойчивости и безопасности? Выражаясь языком математики, надо создать «стратегию игры» среди накопленных средств разрушения, воздействий на народы разных средств подавления личности, разжигания низменных страстей человека. В распоряжении общества будут тотальные средства – генетические, кибернетические, космические, – можно ли в таких условиях застраховаться от того, чтобы горстка безумцев-фанатиков создавала катастрофические ситуации?

Можно ли выявить наиболее жизнестойкую систему? Вера в то, что подобная система есть, – эта вера возникла не от безвыходности. Она зиждется на элементах здоровья сегодняшнего человеческого общества, на тех силах, что в критические моменты уже спасали мир от катастрофы.

Творчество, будь то научное, техническое, художественное, наиболее полно раскрывает назначение человека. Творческий труд облагораживает человека, делает свободней, лучше. Признаюсь, когда я думаю о будущем, предо мной прежде всего возникает та жизнь, где каждый сумеет определить свое призвание и реализовать его. Это вовсе не простая задача. Человек стал человеком, когда он стал творцом. Яблоко, сорванное с райского древа, обрекло человека на вечные муки и вечное счастье познания. Ясно, что счастье строится не с помощью науки и техники. Но когда человек начинает творить, он творит будущее, будь то мать или ученый.

Будущее испытало на себе всякое – и оптимизм, и безрассудную слепую надежду, и безысходное отчаяние. Ему угрожали концом света, его пытались отравить и попросту уничтожить, повернуть вспять, вернуть в пещеры. Сегодня мы живем без утопии. Впервые без утопии. Так ли это хорошо?

* * *

Вновь и вновь не дает мне покоя история, которую я уже после книги «Зубр» узнал от Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского.

Узнал, что в 1942 году не кто-то, а профессор Халерфорден, гистолог, приехал к нему в Бух из Далема и вел переговоры насчет его сына Фомы. Сын сидел в концлагере. Приезжий предлагал Николаю Владимировичу провести исследования о цыганах, расовыми исследованиями, то есть некоторые опыты над ними. Если Николай Владимирович согласится, это может облегчить участь Фомы. Николай Владимирович сутки обдумывал предложение, он не нашел в себе силы сразу отказаться, ему надо было посоветоваться с Еленой Александровной. Сутки они не спали, ни с кем не виделись, сидели друг перед другом, думали. Но через сутки Николай Владимирович все же отказал. Много лет спустя Елена Александровна рассказала об этом Кузнецовой, рассказала, как они сидели за столом и говорили, что же скажет Фома, если его освободят и он узнает, какой ценой, что он скажет, как они будут потом жить с Фомой, как будет Фома жить потом? Фома погиб. Всю жизнь Елена

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Александровна и он мучили себя за эту гибель, за свое решение, считая себя виноватыми. Их мучило, что они оставили себя как бы чистенькими, но какая же это чистота, если из-за них погиб сын. Это те безвыходные ситуации, которых всячески избегает литература.

* * *

Почему храмы так хороши? Церкви, соборы, пагоды, мечети – они лучшие памятники архитектуры. XI век, XII, XIV века, древние, самые древние, все равно поражают. Соборы Шартра, Кельна, Новгорода, Парижа, мечети Константинополя, Кижы – всюду достижения зодчества, в них и витражи, и мозаика, и своды, и росписи – все вызывает восторг. Вспомнились японские храмы, статуи Будды. Лучшее от прошлых веков заключено именно в религиозных постройках. Войдешь в такой собор, и невольное изумление охватывает – как могли наши предки возвести такое чудо? Не только чудо архитектуры, еще и чудо акустики. Да еще столь прочную постройку, она выдержала бомбежку, кругом дома рухнули, а собор устоял. Какие бы ответы ни предлагала история художественных, строительных искусств, они неполны. Происхождение этой красоты связано прежде всего с восторгом перед Творцом. Гармония нашего мира была необъяснима в те времена, она рождала благоговение, даже экстаз и жажду как-то воздать Создателю, выразить свое восхваление. Никакие деньги, слава не могли так вдохновить строителя. Их красота и прочность остаются по сей день необъяснимыми.

Сооружения мирские, светские редко достигали такого совершенства, может, потому, что в них не было религиозного чувства, бескорыстия, благодарности Всевышнему.

Цивилизация породила самомнение. Человек, вооруженный мощными машинами, расчетами, технологией, тем не менее не всегда может создать то, что создавал человек, вооруженный любовью, трепетом поклонения Господу.

* * *

..Другой мой комбат, Коминаров, был командиром иным, нервным и пылким, в нем бушевала энергия неумолимого дела, он мог отремонтировать танк, не имея ничего, у него был редкий инженерный дар. Я тоже кое-чем помогал из своего инженерного образования. Из бочек с горючим придумал делать буржуйки. Буржуйки работали неплохо, куда труднее было добывать к ним дрова. Но некоторые требования моего комбата я выполнить никак не мог. Когда началась весна, надо было убирать трупы с нейтралки, а как их убрать, когда они за проволочным ограждением, да еще подступы заминированы, а схемы установки мин давно потеряны, где немецкие, где русские мины – не разобрать. А трупный запах с каждым днем усиливался, сладкий, тошнотный, от него дыхание перехватывало, и, конечно, нам казалось, что ветром его больше гонит на нас, чем на немцев. Когда немцы стали убирать трупы, велено было стрелять в них, но, честно говоря, мы не стреляли, а если стреляли, то больше вверх для шума, мы были им благодарны, что они утаскивали эту гниющую массу.

Был еще командир полка Шулепин. Большой, костлявый, ворчун, придира. Хорошо знал матчасть нашу и немецкую. Выпивоха. Когда вступили в Восточную Пруссию, напился, лег на башню своей машины и зарыдал. «Добрались! – орал он. – Дошли! Ну, фрицы, мало вам не будет!»

* * *

Рассказывают, что после того, как Вавилова вызвали к Сталину и Молотову, академик Прянишников пришел к Сергею Ивановичу (Вавилову) и сказал: «Вам придется бороться с убийцей вашего брата или претерпеть поцелуй Иуды».

Вавилов выбрал поцелуй, он уже понимал, что борьба с Лысенко бесполезна. Вручил. Лысенко обнял его и поцеловал. Троекратно ли? Выяснить не удалось. Вручал – премию Ломоносова.

* * *

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Адам и Ева удалились из рая безропотно. Они понимали, что нарушили Божественное требование, идею закона. Был совершен грех и осознана греховность противопоставления себя природе.

Ныне возникло иное понятие справедливости. Человек божественен, потому что он царит над природой. У него сила, он оснащен ею, и этим он обязан себе, своему уму, способности созидать.

* * *

Древо познания, оно существовало не для людей. А для кого, спрашивается?

* * *

– Приходят, спрашивают – как надо жить?

– В каком смысле?

– А нам хочется тоже подольше жить и чтобы без маразма.

– Не знаю.

– А как вы достигли, поделитесь, это же не секрет.

– Я бы с удовольствием. Но вроде не было у меня никаких для этого упражнений. Пилюли тоже принимал редко. По утрам не бегал. Диеты не соблюдал. Правда, я малоежка, но это моя охотка. Рад бы дать вам какой-то рецепт. Стыдно сказать, жил-жил и ничего полезного не нашёл. Просто жил в свое удовольствие, не заботясь стать долгожителем. Пороков не чурался. В войну приохотился к куреву. После войны продолжал. Только сяду писать – папиросу в рот. Отвыкал с трудом. Война приучила к водке. Нам полагалось по сто грамм, и пили. Она ведь считалась хлебной. Так что шла в добавку к нашему питанию. Женщин тоже было немало. Не гонялся, но и не уклонялся. Одно время был перебор – так что всякое было. Работал помногу. Прихватывал ночь. Днём служба, вечером садился за роман и строчил за полночь. Болел брюхом, сердцем, были переломы. На войне контузило. Слава богу, обошлось без ранений. Неприятностей тоже хватало. Выговоры, проработки. Две-три проработки – и, глядишь, инфаркт. Счастье, что у меня легкомыслия много.

– А вы неудачи творческие переживали?

– Конечно, болезненно. Помогало то, что не зацикливался, начинал другую работу. Это, пожалуй, можете себе взять. Новая работа – хорошее лекарство. Вот и все, достаточно?

– Нет, честно говоря, все настолько обыденно... Ничего не извлечешь.

– Разочарованы?

– Мы думали, такая большая удачная жизнь, она могла бы что-то дать людям, тем более что вы писатель, то есть умеете анализировать. У вас же получается все как-то заурядно.

– Виноват.

– Мы так надеялись. (Пауза.)

– Я вас понимаю. Позвольте, однако, спросить: допустим, вы получили ряд рекомендаций, допустим, вы стали их выполнять и добились своего, обрели долголетие. И что?

– То есть?

– Для чего? Чем вы стали бы заниматься? Забивать козла? Играть в карты? Сидеть у телевизора? Зачем вам эти годы?

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Просто жить.

– Извините, не понял. Жизнь состоит из чего-то. Она дается для чего-то. Не только жрать и гулять.

– По-вашему, мы, выйдя на пенсию, еще должны трудиться. Нет, хватит. Мы хотим отдыхать. Путешествовать, читать романы, ходить на концерты, жить в свое удовольствие. Имеем право.

– Имеете. Заработали. А у меня не получается. Я не могу не работать.

– (Пауза.) Может, это помогает?

– Может быть, у меня это не средство, а необходимость.

* * *

23 февраля – День Красной Армии, День 9 января, День Парижской Коммуны, день смерти Ленина.

На трибуне стояли руководители города. Зиновьев, Киров, Жданов...

С Александровской колонны на них взирал ангел. Его по первости хотели заменить фигурой Ленина. Потом пятиконечной звездой. Потом отступились.

Подлинные герои города никогда не появлялись на трибуне. Ни Шостакович, ни Ольга Берггольц, ни Ахматова, ни Лихачев. Стояли чиновники. У них были утвержденные перечни лозунгов, они их и выкрикивали для демонстрантов.

Следующий наш объект – Петропавловская крепость. Любимое место горожан, романтика города и украшение, его начало, его задор. История Петровской эпохи. И история революции со всей ее мерзостью.

Здесь похоронены в соборе царствующие особы дома Романовых. Роскошные саркофаги – цари, царицы, великие князья. Во время революции их тоже настигла могучая рука восставшего пролетариата. Гробы вскрыли. Солдаты, матросы искали драгоценности. Останки были обобраны. Утащили все, что было ценного, – сабли, украшения, все, что сохранилось. Все разорили. Революция! Здесь она предстала в самом подлом виде. Свиное ее рыло высовывалось в дворцах, особняках. Грабежи, убийства – статистика революции никогда не приводилась. На самом деле революции были бесполезны, и февральская и октябрьская. Кровавыми были бесчинства. С трудом удалось отстоять от разграбления Зимний дворец и Эрмитаж. Культура, искусство России не представляли никакой ценности в глазах солдатни, основу ее составляла темная крестьянская масса. Да что там солдатня, если Ленин, этот провинциальный абитуриент, поселясь в Петрограде, ни разу не посетил музея, не поинтересовался императорскими театрами. Он, и живя в Лондоне, Париже, знать не хотел европейской культуры. Неприятие искусства западного, равно как и русского, было у него словно врожденное. Они все, его соратники, были варварами.

А вот В. И. Ленин на броневике у Финляндского вокзала. Так начиналась советская власть в 1917 году. Кончилась она Ельциным на танке в 1991 году. Между этими двумя выступлениями уместилось великое множество такого, о чем ни историки, ни последующие вожди не хотят вспоминать.

* * *

Сталин умирал в присутствии своих сподвижников, членов Политбюро. Над ним хлопотали врачи, в сознание он не приходил до самого конца. Может, и приходил, но сказать ничего не мог. Настал момент, когда врачи объявили, что он умер. Сообщение о смерти должны были передать по радио. Соратники сидели молча, ждали. Чего ждали? Сообщения по радио (!). Того самого, которое они составили. В соседней комнате лежал мертвец. Настоящим мертвецом он для них еще не был. Им надо было услышать правительственное сообщение. Сидели неподвижно, безмолвно, вспоминала Светлана Сталина. Никто из них не плакал. Никто не выражал своего горя. Но вот прозвучало сообщение. Все сразу поспешили к своим машинам и разъехались. Берия, Маленков, Хрущев, Ворошилов, Микоян, Суслов, Устинов, кто

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
там еще – не помню.

Тридцать с лишним лет они его любили, славил, обожали, восхищались его мудростью, пронизательностью, его указаниями, его пророческой силой. Клялись в преданности. Готовы были на все, чтобы заслужить его похвалу. Вместе выпивали, ужинали, ездили к морю. Их связывало не просто единомыслие, была совместная борьба с врагами народа. Ну и, конечно, Великая Отечественная. Да еще все эти годы они держали оборону от международного империализма. Все они подписывали расстрельные списки, никто не уклонился, так что кровь врагов тоже соединила их.

И вдруг все оборвалось. Маски исчезли, нет, они сами сдернули осточертевшие маски. Открылись лица, где не было скорби, было облегчение. Маскарад кончился. Многолетний, опасный. Кончились страхи, клятвы верности. Уцелели, вот счастье.

* * *

Альберт Шпеер, министр вооружения у Гитлера, в последние месяцы войны часто навещал фюрера. Он описывает, как Гитлер вдруг превратился в дряхлого старика.

Шпеер пишет: «В этом состоянии Гитлер, безусловно, вызывал сочувствие у своего окружения». Шпеер не скрывает собственного сочувствия. Гитлер превратился в жалкое подобие прежнего диктатора, но никто не вымещал на нем горечь поражения. То и дело Шпеер навещает его. С Гитлером были и Геббельс, и Борман, и Гиммлер. Прибывали прощаться.

Думаю, что Шпеер переживал уход Гитлера из жизни сильнее, чем он пишет. Но даже и в этом тексте, написанном двадцать лет спустя, он не может полностью скрыть своего чувства потери дружбы, той, что связывала их много лет.

Сознавал содеянное во времена нацизма, но в те годы он сам был нацистом, почитал Гитлера и, пересмотрев многое в своей жизни, не стал отречься от своих прежних чувств, не взглядов, а чувств.

Наука умеет много гитик

Это правда, что в советское время науке уделялось большое внимание, о ней заботились куда более, чем в постсоветское время. Советская власть для ученых делала все, что могла, – квартиры, дачи, машины, высокие оклады. На первом месте были физики, поскольку они занимались оборонными делами. Престиж науки и ученых, соответственно, в обществе был высок. Они ходили, увешанные наградами, о них ставили фильмы, писали книги. Считается, что это было золотое время российской науки. И средства на нее отпускались большие. Все было так. Но была еще одна невидная, незаметная сторона жизни ученых. Недавно опубликована докладная записка руководителя КГБ СССР Серова. Он отвечает на запрос заведующего отделом науки ЦК КПСС Кирилина. Это справка из материалов на академика Ландау. Составлена она в декабре 1957 года. Ландау – великий ученый, гениальный физик, лауреат Нобелевской премии, его имя высоко котируется в мировой науке. Гений отличается от прочих людей тем, что он видит там, где мы ничего не видим. В 1947 году, когда мы все были одурманены победой, когда культ Сталина был в расцвете, когда атомщики были в почете, Ландау говорил: «У нас наука окончательно протитуирована. Науку у нас не понимают и не любят, что, впрочем, и неудивительно, так как ею руководят слесари, плотники... Направления в работе диктуются сверху». В 1948 году он говорил: «Соединенные Штаты самая благотворительная страна... Я не разделяю науку на советскую и зарубежную. Мне совершенно безразлично, кто сделал то или иное открытие, поэтому я не могу принять участие в том утрированном приоритете советской и русской науки, которое сейчас производится». А если вспомнить, шумиха вокруг приоритета русской науки была в разгаре.

Откуда эти цитаты? Из донесений агентов КГБ, из материалов «оперативной техники». Из разговоров с членом Академии наук Шальниковым, с профессором Мейминым. «...Мне все равно на каком месте стоит советская физика, на первом или на десятом, я низведен до уровня „ученого раба“, и это все определяет» («один из близких людей Ландау», как отмечено в материалах. Он говорил, что «надо употребить всю силу, чтобы не войти в гущу атомных дел». Это фиксировалось несколькими агентами.

Приводятся материалы прослушки домашних разговоров, что говорил Ландау по поводу событий в Венгрии, событий в Чехословакии: «Наши решили забрызгать себя кровью. У нас это преступники, управляющие страной». 30 ноября 1966 года он сказал: «Наши в крови буквально по пояс. То, что сделали венгры, считаю величайшим достижением. Они первыми разбили, по настоящему нанесли потрясающий удар».

Непрерывно поступают материалы, записи его разговоров. С соавтором его работ Лифшицем, с женщинами, его любовницами. Среди авторов доносов – «один из наиболее близких ему людей». Аппараты подслушивания были установлены на квартире Ландау, судя по всему, и в лаборатории. «Через агентуру и технику установлено, что Ландау считает себя свободомыслящим человеком, что он, оказывается, имеет свои взгляды по вопросам политики нашего правительства» (одна из приближенных к нему женщин). Судя по всему, агентов было множество. Он был окружен со всех сторон людьми, от которых требовали донесений или которые добровольно доносили, устрешенные его высказываниями. Догадывался ли он об этом? Наверняка, но не желал себя стеснять, даже арест не остановил его. Свобода была необходимым условием его научного творчества, он не хотел бояться. Это был необъявленный вызов.

Одни подслушивали, другие боялись. Ученых делали доносчиками, агентами. И все это входило в так называемую заботу государства о науке, о престиже ученых. Такова была оборотная сторона жизни самых авторитетных и великих наших физиков, специалистов, что уж говорить об остальных.

* * *

«Она не русская», – говорила Аня про мать мужа, полячку. Не русская – это звучало у нее как обвинение. Она презрительно кривила губы – «не русская». В этих словах заключалось столько плохого, как будто от нее из-за этого происхождения всего можно ожидать. Ничего хуже быть не может. Нерусский – это несчастье. «По-твоему, русский – это заслуга, дается как орден?», – спорил с ней Сергей. Но ее ничем нельзя было переубедить.

В 2002 году стали готовиться к 300-летию основания Петербурга. Решили поставить в честь юбилея памятник. Объявили конкурс. Я посмотрел выставку проектов. Ходил, ходил. Убогая фантазия кружилась вокруг ангелов и фигур Петра. Вдруг подумалось, а зачем нужен подобный памятник, что за полезность, нигде в Европе, в городах куда древнее не видал я памятника в честь 500-летия, 1000-летия, чего наше провинциальное фанфаронство пузырится. Нельзя ли чем-то другим отметить? Придумал. Поставить знак в Петропавловской крепости на Государевом бастионе – «Отсюда в 1703 году началось строительство Петербурга». Что-то в этом роде. И что вы думаете – уговорил. Общественный совет согласился. Мэр Яковлев согласился, а в день города в 2003 году торжественно открыли этот знак на Государевом бастионе. Предложили там сбоку высечь мое имя, но я категорически отказался.

* * *

В советское время популярен был такой анекдот:

«Все ходят на работу, но никто не работает.

Никто не работает, но планы перевыполняются.

Планы перевыполняются, но в магазинах ничего нет.

В магазинах ничего нет, но на столах все есть.

На столах все есть, но все недовольны.

Все недовольны, но все голосуют „за“, и как голосуют! – например, за Брежнева 103 %».

Так мы развлекали друг друга в те годы.

* * *

Предсказанное настоящее – это, как выразился один социолог, устаревшее будущее. Будущее не имеет цели, ибо оно зависит от того, как развивается техника, а она развивается без всякой цели, ею управляют лишь случай, случайность, воображение творца, именно оно проектирует будущность человеческого сообщества, воздействует на социальную среду. Но что может придумать человек – это не предусмотрено, это полет его фантазии. Поэтому развитие техники, которое определяет социальные реформы и движение прогресса, – вот это развитие техники совершенно непредсказуемо.

Советские штаны

В 1970 годы нас в Европе безошибочно определяли. Костюмы черные, штаны широкие, пальто драповое, тоже черное, на чай нигде не оставляют, товары ищут самые дешевые, пересчитывают свои центы и пфенниги, привозят бутылки водки, чтобы продать, матрешки, а что еще можно было загнать? Продавали в гостиницах, где жили. Не стеснялись предлагать в магазинах. А потому, что валюту давали грошовую. А потому, что глаза разбегались, таких товаров у нас не было. И чтобы навалом – носки, майки, рубашки... Все это кучами лежало в магазинах. Соблазны, соблазны. Идешь по улице от витрины к витрине. Ничего другого не видишь и не смотришь. Какая посуда, какие костюмы, обувь! У каждого длинный список: чего привезти, размеры, расцветка. Языка не знали, покупали что дешевле. Путаница в размерах. Примеряли друг на друге. Главное – найти, где распродажа. Главное – тряпки. Кофточка, джинсы. Потом, когда появились бабки, покупали аппаратуру. Проигрыватели.Stereo. Магнитофоны. Презервативы. Кто китайские, кто фирменные. Позже – виски, джин, кальвадос. По музеям вне программы – немногие, дорого... Лучше куплю бижутерию. Статуэтки. Коврики, ковры. Крепко прибарахлялись. В гостинице показывали покупки, сверяли цены... Советским рекомендовали ходить группами, во всяком случае, не в одиночку, «во избежание провокаций». И мы послушно ходили толпами, группами, испуганно жались друг к другу. Смотрели на нас с любопытством – «Русские идут!». Разглядывали, как туземцев. Любопытство... Смешок... Годы понадобились, чтобы мы как-то смешались с прохожими. Не успели раствориться, как снова обозначили себя, теперь уже хамской роскошью. Гуляй, Вася! Имели мы их всех.

«А помнишь значки? Пол-чемодана значков ташил. Все больше Ленин. На красной эмали наш красавец. Греки брали нарасхват. Итальянцам пришлось прищипливать. Вкалывал в пиджаки. Благодарили. Особенно Ленин маленький шел. Беби. Еще не вождь, просто дитя без соратников. Подступил я к одному мужику в Неаполе, он распахивает плащ, я обомлел, у него весь пиджак до низу утыкан значками. Ничего подобного я не видел. Зрелище тяжелое. А что еще дарить? Одна наша туристка привезла матрешку и пожалела отдать весь комплект, раздавала поштучно. Итальянцы не поняли, в чем смысл этих деревяшек».

Вопрос Стейнбека

В свое время Ницше заявил, что Бог мертв. Это давно обсуждается. Но все-таки... а если он жив? – вот ведь какая для нас задача. Мертвый Бог проблем не оставляет, а живой Бог – это же требование, это значит, если живой Бог, значит живы ангелы-хранители, а если они живы, они могут покинуть и бросить меня в самый тяжелый момент моей жизни. Бог – это вертикаль нашей низменной земной жизни.

Вчера я был на диспуте с французами-философами, ведущие философы Франции. Тема была избрана: «Религия и политика». Когда меня попросили выступить, я сказал, что у нас, в нынешней России, нет ни политики, ни религии. Вот посмотрите, идет церковный праздник. В храме стоят у алтаря (подчеркиваю – у алтаря) со свечками губернатор с женой или высшая власть, министр, премьер, не со всеми стоят, а отдельно, рядом со священником, да еще где-то рядом там сзади охранники стоят. Что это – политика? Нет, это не политика, это дешевка. Что это – религия? Нет, это не религия, это кошунство. Они же ни в какого Бога не верили и не верят, для них вертикаль ведет не к Богу, вертикаль – это они сами и те, кто над ними, а над ними – это другой ярус власти. Поднялся всего на две ступеньки, и уже спустя год он превращается в другого человека. А почему он считает, что он выделен, что он отмечен, что он отличается от всех остальных? И у него мысли не появляется,

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
что завтра вдруг ему придется спуститься вниз и опять ступить на землю.

Почему все русские писатели были верующими – и Пушкин, и Толстой, и Чехов, и художники, и русские и европейские, со времен Возрождения, и архитекторы? Вера во Всевышнего им помогала, возвышала. А политикам она мешала. Потому, как мне кажется, вера не конъюнктурна, звездное небо над нами, политика же под нами.

Джон Стейнбек у нас допытывался: если вы ликвидировали Бога, то кому же человек будет сообщать о своих сомнениях, пакостях? Человеку надо обязательно иметь духовника, если нет физического лица, то он будет обращаться к небесам.

* * *

«Какой правитель всех лучше?» – рассуждали греческие мудрецы. Ответы были самые разные. Наблюдая судьбы наших начальников, допустим, мэров городов или губернаторов, я бы определил так: лучшие это те, кто остаются после отставки жить в своем городе, вот, может быть, показатель. Правда, таких примеров я бы привести не мог, все они после отставки торопятся уехать, кто в областной центр, кто в Питер, кто в Москву, а то и за границу.

* * *

Сознание нам расконвоировали, охрана ушла, предрассудки отброшены, мифы исчезли – иди куда хочешь. А куда? Вот какой вопрос появился, стоим в чистом поле без понятия, и никаких знаков.

Шовинизм – самое дешевое массовое чувство, шовинист безлик, он низводит себя к толпе неразличимых единиц. Я русский, я татарин, я немец, ничем другим я не обладаю, собственных достоинств у меня нет. Любой подонок вот так же бьет себя в грудь: нищие духом и умом.

* * *

Абсурдно устроена наша жизнь. Мы содержим чиновников, милицию, суды, и они относятся к нам нагло, по-хамски, чинят произвол, мы их ненавидим, они нас презирают, обворовывают, лгут на каждом шагу. Ну не нелепость разве? И почему-то это считается законным.

Для ленинградцев победа была не в том, чтобы разгромить немцев, а выстоять. Выстоять означало не расчеловечиться, не капитулировать, одолеть духом.

Судьба подарила мне долголетие. Как я использовал это? В конце жизни, подводя итоги, – недоволен. Наверное, довлеет арифметика – мало написал, главного не написал и т. п. Но ведь кроме стола была еще жизнь, с дружбой, любовью, путешествиями. Конечно, можно было написать и больше и, может, лучше. Но за счет солнца, моря, смеха...

Слово «любовь» не хочет поддаваться множественному числу.

В 1895 году Л. Н. Толстой пишет в дневнике:

«Я знаю, что мне велит совесть, а вы, люди, занятые государством, устраивайте, как вы хотите, государство так, чтобы оно было соответственно требованиям совести людей нашего времени. А между тем люди бросают эту непоколебимую точку опоры и становятся на точку зрения исправления, улучшения государственных форм и этим теряют свою точку опоры...»

Я считал, что интеллигенция нужна как оппозиция, как некий орган критического отношения к официальной политике, нужна обществу как иная точка зрения, прежде всего нравственная, как поправка, как нужна компасу девиация. Но тем самым я, интеллигент, вовлекаюсь в государственные дела. Вместо того, чтобы заниматься своей духовной работой. Я в оппозиции становлюсь напарником, как второй полюс, в какой-то мере принадлежностью государства, причастным к его деятельности. А я должен прежде всего сам жить по совести, она моя оппозиция, что достаточно трудная обязанность. Думать о себе, и не ради того, чтобы служить примером, а

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
только ради себя, своей собственной души.

Это не значит, что вся моя жизнь будет замыкаться на себя. Смысл своей жизни, который мы ищем, не может находиться внутри ее, он только может быть для людей – в милосердии, в помощи, в любви, в сострадании. Это единственное, чем можно оправдать свое существование. И тут нельзя играть в прятки – мол, моя служба государственная и есть то самое служение людям. Ведь в большинстве своем чиновное служение в аппаратах казенных или в фирме лишено прямого соприкосновения с людьми. Нет и чувства к ним, и мысли о них, а есть схема банковских операций.

* * *

Ранние дневники Ольги Берггольц. Оказывается, у нее был роман с Геннадием Гором. Невероятно! Тот послевоенный Гор, которого я знал, – толстый, неопрятный, робкий, автор нескольких скучных повестей и хороших фантастических рассказов – был не способен на романы, а с Ольгой, кипучей, опасной на язык, тем более. Ее талант, ее взгляды, все не подходило Гору. И вот поди ж ты. Как меняла человека наша советская жизнь.

* * *

Наконец я добрался до этой книги Константина Симонова «Глазами моего поколения». Я давно слышал о ней от Лазаря Лазарева, который был составителем и редактором этой книги. И она мне как раз попала сейчас под руки вовремя. В сущности, эта книга – о Сталине. Я последнее время сравнительно много книг о Сталине читал и смотрел, в том числе работы Волкогонова, замечательную книгу Илизарова, московского историка, иностранные книги. Среди них немало интересных и удачных работ. Они сделаны на документах, снабжены анализом, психологическим, аналитическим и т. д. Там много догадок и, пожалуй, можно сказать, даже и немало сделано для создания образа Сталина. Но работа Симонова отличается от всех других подобных книг, а их накопилось уже сотни, изданных на Западе и у нас.

Симонов начиная с 1946 по 1953 год более-менее регулярно встречался со Сталиным как член Комитета по Сталинским премиям, это были ежегодные встречи для обсуждения кандидатов на Сталинские премии, а затем как кандидат в члены ЦК партии, и на встречах, которые Сталин время от времени устраивал с писателями. Но Симонов в отличие от всех других участников этих встреч обладал драгоценным чувством историзма, и, возвращаясь от Сталина, каждый раз аккуратно записывал все, что помнил, стараясь в точности передать те или иные слова, жесты, интонации, поведение Сталина, как он ходил вокруг стола, как он к кому обращался, на кого как смотрел и тому подобные детали. Дело в том, что в присутствии Сталина на этих встречах записывать ничего не полагалось, поэтому приходилось все это делать впоследствии и не так, как мы обычно иногда это делаем, спустя несколько дней или при удобном случае. У Симонова была чрезвычайная обязательность, он понимал законы человеческой памяти. Есть короткая память, непосредственная, сохраняющая свои впечатления день-два, часы во всяком случае, и более длинная, долгая память, которая помнит уже не столько детали, сколько впечатление, какие-то подробности исчезают, какие-то туманятся. Симонов понимал, что это скоропортящийся материал, и старался его сохранить как можно добросовестнее. Мало того что он эти записи приводит в своих воспоминаниях, но своеобразие заключается и в том, что он их комментирует уже в 1979 году, когда он пишет эту книгу, то есть спустя двадцать лет после этих записей. Комментирует, уже зная многое из того, что нам открылось и после XX съезда, и в последующие годы. Любопытно, что, да, какие-то вещи он переоценивает, какие-то вещи он опровергает. Опровергает, ссылаясь на все то, что мы узнали. Но вот что замечательно: основной массив его непосредственных впечатлений, полученных его глазом, его писательским чутьем. Они и составляют ту драгоценную достоверность и подлинность, которая позволяет ему откорректировать, дополнить образ этого человека. Ему не удастся свести воедино те или иные противоречивые черты в одно логически целое, объяснимое поведение, но он к этому не стремится, он знает, что человек – это тайна, любой человек, а тем более человек такой гениальной хитрости, такой гроссмейстер политической интриги и, можно сказать, такой лицедей, как Сталин.

Я испытывал читательское наслаждение, да и писательское восхищение перед

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
мастерством Симонова, который, как мне кажется, не отделял свою рукопись, она написана с тем совершенством вдохновения, которое бывает в писательской жизни нечасто.

* * *

Элементарные магнитики в магнитном поле сразу выстраиваются, все одинаково ориентируются на север, на юг. Случайность исчезает. Так же как исчезает случайность в упорядоченном, ламинарном потоке, исчезают турбулентные завихрения. Земное притяжение упорядочило движение. Камень вернется вниз, в судьбе его не может быть случайного заброса на другую планету. Куда б его ни бросить, можно вычислить его траекторию. Можно узнать, где будет Сатурн, в какой точке через десять лет, будущее Сатурна, целой планеты, можно вычислить. Те, что подчинены воздействию полей или постоянных сил, те предсказуемы. Централизованное общество похоже на силовое поле.

* * *

В природе существует точное равновесие – уничтожения и производства. Это основное условие существования жизни. Имеется длинная цепь животных, насекомых, рыб, растений, каждое из которых существует как пища или средство существования для другого. Достаточно где-то прервать, нарушить эту взаимосвязь, и произойдет катастрофа. Представьте себе, что никто и ничто не уничтожает мышей, или мух, или слонов, дроздов. Естественные возможности размножения каждого из них таковы, что через какое-то время вся земля была бы населена мышами, дроздами и условия их жизни резко изменились бы. Природа мудро сохраняет это равновесие. Но она бессильна перед человеком, который разорвал цепь и, уничтожая один за другим ограничители своего размножения, расплодился невиданно.

* * *

«Когда я ничего не делаю, я больше всего работаю».

* * *

– Как ваша фамилия?

– Петров.

Начальник (рассеянно):

– Не знаю. Может быть, может быть...

* * *

Во времена Ветхого Завета Бог представлялся непознаваемым. Христос прояснил смысл жизни для многих.

* * *

Монархия дает уверенность, что так же как твои предки остались в истории, не только хорошие предки, но и плохие, со всеми своими пороками, так и ты останешься. В этой цепи каждое звено обязательно.

* * *

«Гибель Отечества» – пустая фраза, а вот гибель твоей деревни – катастрофа. Наша деревня погибла. С ней гибнут культура, история, природа.

* * *

Есть понятия неделимые. К примеру, совесть. Или она есть, или ее нет. Не бывает человек наполовину совестливым. То же относя к добродетели. Еще Вольтер заметил, что она тоже не бывает наполовину. Нельзя считать, что этот человек более добродетелен, чем тот.

Прекрасный наш философ Мераб Мамардашвили любопытно заметил насчет добродетели в искусстве: «Можно хотеть сделать романом добро, но добро романа есть просто хороший роман... И в этом своем качестве он не зависит от намерений автора...»

* * *

Сколько ни читал мемуаров – все не то. Много интересных, многие замечательно написаны, много ценных свидетельств, а все-таки не было того, что вот человек открылся, вот он был какой – Л. Н. Толстой («Детство. Отрочество. Юность») или М. Горький, или Ж. Руссо. Я, когда сам стал писать о себе, о своей войне, убедился, что те претензии, какие у меня были к другим, они такие же и к себе, к тому, что у меня получается, только еще больше этих претензий.

* * *

Вновь и вновь мы возвращаемся к истории библейского Иова. Господь ответил на его вопросы, но не для того, чтобы открыть ему причины испытания, всех бед, так, казалось бы, несправедливо постигших его. Не рассказал о своем споре с Сатаной, он лишь дал ему понять, как ничтожен человек перед могуществом Бога и как непостижимо это могущество.

Иов не получил ответа, он смирился в своем ничтожестве, раскаялся в «прахе и пепле». В непознаваемости Бога и состоит победа веры Иова над Сатаной.

Человек часто не знает, за что его наказывает судьба.

Никто их не считал

Десятки тысяч хлынуло в ленинградские райкомы. А если по стране, то миллионы. Кипы заявлений, никем не читанных, сваливали в большие бумажные мешки. Заявления о выходе из партии. Краткие, в две-три строчки, сообщения: «Прошу с 1 августа 1990 года не считать меня членом КПСС». Автор пробыл в партии тридцать лет и не хочет объяснять причину выхода. Просит рассмотреть его заявление заочно. Парторганизация и райком тоже не желают объясняться с ним и рады заочному тихому расставанию. Я знаю этого человека. И помню, как трудно он вступал в партию, как ему собрание отказало в приеме «за грубость и хамство», как он вторично подал, как райком нажимал на Союз писателей, чтобы его приняли.

Другое заявление, забавное, циничное, достаточно откровенное: «Прошу не считать меня больше коммунистом, я вступал в КПСС, когда она была правящей партией, сейчас она такого положения лишилась». Вполне законная причина для тех, кто поступал ради карьеры, а теперь чего стесняться. «Чтобы продвигаться по службе, должен быть членом партии», «Хочешь занять эту должность – вступай в партию», «Э, нет, голубчик, эта работа не для беспартийных».

Заведующий почтовым отделением – должен быть партийный. Главный врач поликлиники – обязательно будь членом. Директор школы, директор магазина, начальник станции – всюду только для членов КПСС. Ни одного министра, ни одного мэра не было в стране беспартийного.

«Я выхожу из партии, потому что она ничем не сумела удержаться у руководства, если она восстановит свою роль и вернется на капитанский мостик, я обязуюсь вернуться в ее ряды».

Вот так. Он не считает себя конъюнктурщиком. Партия обманула его, обещала выгоду и не сдержала слово, сделка сорвалась. И не по его вине.

Признаюсь, я читал эти заявления с интересом. Особенно те, где раскрывались более глубокие мотивы. Вот пишет довольно известный деятель, фронтовик: «В связи

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
с невозможностью для меня пребывание в одной партии с такими черносотенцами и антисемитами, как Вильям Козлов, Сергей Воронин, Станислав Куняев, Анатолий Иванов, Сергей Викулов и другие (список можно продолжить), считаю себя выбывшим из рядов КПСС».

Эти писатели когда-то прославили себя своими погромными выступлениями. Но автор заявления только ныне осмелился напрямую обнародовать фамилии с надеждой обличить, когда станут разбирать конфликтное дело. Для него это был поступок, требующий мужества, потому что все погромщики, стукачи отличаются мстительностью. Увы, заявление его утонуло в потоке, никто, кроме меня, не прочел его.

Были заявления программного типа, они результат мучительных раздумий, накопленных разочарований: «Партия перестала быть союзом единомышленников. Невозможно числить себя в одном союзе со сталинистами, шовинистами, носителями бескультурия».

«К настоящему времени я утратил веру в изменчивые программы КПСС, в ее бесконечные обещания. По всей видимости, КПСС в лице ее номенклатуры стремится лишь к самосохранению».

«Как очевидно каждому порядочному человеку, вне КПСС быть порядочным – задача непростая, но выполнимая, что невозможно, будучи в ее рядах».

Меня прежде всего привлекали заявления людей, совершающих политический акт серьезного значения, куда более важный в истории их личности, чем было вступление в партию.

«Мне стыдно за партию, которой я отдал сорок лет жизни. Стыдно, что я участвовал в ее деятельности. Стыдно видеть, к чему она привела страну... Покаяться КПСС не желает. Уйти с дороги тоже. Ей не стыдно. Покаюсь я, один из ее бывших членов, на мне, как на всех других, лежит все содеянное коммунистами».

И далее автор приводит слова Алексиса Токвиля, французского историка и политдеятеля: «Зло, которое переносилось как нечто неизбежное, кажется невыносимым при мысли, что от него можно избавиться».

Я отбирал заявления людей думающих, тех, кому этот шаг давался нелегко, людей, которые составляли цвет партии, честных коммунистов.

«XXVIII съезд КПСС не преклонил колени в знак покаяния за преступления, что 70 лет совершались от имени партии». Автор цитирует свое письмо Горбачеву в 1988 году: «Мне не понять, каким образом можно совместить ваше жертвоприношение на памятник Теркину и присвоение Героя Проскурину, застрельщику убийства Твардовского».

Поначалу казалось, что из партии уходят наиболее честные, люди совести, потом побежали конъюнктурщики, и стало непонятно – то ли шел процесс очищения, то ли партия просто гнила: «Говорят, что если порядочные люди выйдут, мерзавцам будет полное раздолье. Именно это соображение руководило мною 37 лет. Свой долг верного пуделя я выполнял честно, но дальше разделять общество лигачевых и ползковых не хочу».

А вот пишет человек, которого я знаю давно и глубоко уважаю как талантливого специалиста, всю жизнь посвятившего защите природы: «Прошу не считать меня членом КПСС». И все. Он не считал нужным ничего разъяснять, настолько был оскорблен.

Если писать историю партии, ее последних лет, то будет выделяться путь к самоубийству. Поразительно, как из многих решений каждый раз выбирали наиболее губительный. Можно вспомнить выборы в Верховный Совет, как бессовестно протаскивали свои кандидатуры секретари обкомов и ЦК республик, какие подделки совершали, чтобы остаться в списках единственными кандидатами, какую клевету развернули против неугодных. Взять Егора Лигачева – как такой малограмотный реакционер мог оказаться идеологическим руководителем партии?

Почти восемь десятков лет прошло – стал ли наш человек лучше? пришел ли в нашу жизнь социализм? стоило ли платить такую огромную цену кровью, страданьем за

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
столь мизерный результат?

«Когда передо мной встал вопрос, с кем быть, с партией или с народом, хотя нас уверяли, что партия и народ едины, я понял, что никогда они не были едины, и выбрал народ, мой народ, терпеливый, трудолюбивый. Выше народа, которому ты принадлежишь, нет никаких партий».

* * *

Выступление Нины Андреевой и вся ложь вокруг этой истории, прежде всего Лигачева, – все это производит тяжелое впечатление. Малограмотный Лигачев стал идеологом партии, и Политбюро поддержало его против Яковлева Александра Николаевича, единственного, кто олицетворял новую политику партии после XX съезда. Борьбу с демократией и гласностью партаппарат вел самыми грязными методами, использовал черносотенную организацию «Память», натравливал ее на интеллигенцию. Когда начался массовый выход из партии, один из секретарей ЦК сказал мне:

«Ну выйдет миллион, ну три миллиона – и хорошо, партия очистится от нестойкого элемента. Если останется всего половина, то есть миллионов двенадцать – этого достаточно».

«...Стыдно за упорство, с каким партия поддерживала Совет министров во главе с Рыжковым, отставку которого требовали на многочисленных митингах. Считаю неправильными действия руководства, которое допускает выход на персональные пенсии людей, не оправдавших доверие. По сути, покрывают виновников преступных в Афганской войне, преследование диссидентов, заключение людей в психушки. Речь идет о таких деятелях, как Шелест, Кунаев, Романов, Гришин и др.».

В большинстве заявлений, уходя из партии, люди не стеснялись называть пофамильно людей, виноватых в преступлениях советской жизни.

* * *

Были и другие заявления. Выходит из партии, например, деятель, который все, что мог, взял от нее, брал все годы, и пишет, что во всем виноваты демократы. Теперь, когда звонок из обкома помочь ему не может, он хлопает дверью и объявляет себя жертвой партийных структур. Обнаружился целый слой наших людей – изворотливых, умеющих быстро приспособиться к новым лозунгам, забыть все, что когда-то сам произносил, и этот новообращенный закричал громче всех: «Коммунистам позор!»

* * *

В Смольном до последней минуты не желали обращать внимания на то, что происходит на улице, на предприятиях, все так же подкатывали черные машины, все экстра-класса, новенькие. Работала особая столовая для высшего состава.

Год за годом мы ждали, что вот придет приличный партийный руководитель, образованный, человечный, не бурбон. Не дождалось. Сколько их сменилось: Козлов, Спиридонов, Толстиков, Романов, Соловьев – хоть бы кто полюбился ленинградцам, хоть бы о ком осталась добрая память.

* * *

Первым настоящим фронтовиком, солдатом в Политбюро был Александр Николаевич Яковлев, фигура единственная в своем роде, человек строгих нравственных правил, всю жизнь применял их прежде всего к себе. Он был исключением, партия не терпела таких руководителей, ей никогда не нужны были принципиальные, порядочные люди, она избавлялась от них, по-хорошему и по-плохому. Конечно, и в ЦК иногда попадали люди идейные. Покойный А. Введенский рассказал, как его вызвали в ЦК и предложили заведовать сектором живописи, вся культура там была разделена на секторы – литература, музыка, театр, кино и т. д., все жанры имели своих начальников, начальники – свои аппараты. Введенский осторожно сослался на то,

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
что в живописи он ничего не понимает, и просит оставить его в Питере, он журналист, и только. На это ему пояснили – очень хорошо, что не понимает в живописи, будет беспристрастен, свободен от вкусовщины. Назначили. Спустя полгода вызвала его заместитель завотдела, крупная дама, мелко завитая, с глазами, всегда влажными то ли от восторга, то ли от сожаления. На этот раз от сожаления. За полгода ослабли все показатели по живописи, бог знает что рисуют, а выставки не запрещают, мало снято полотен, меньше стало критики – в чем же наше партийное руководство? Толя Введенский стоял опустив голову, недовольство шло с самого верха – раньше о формалистах, декадентах знала вся страна, а сейчас запретят выставку и стесняются.

* * *

Все его потребности удовлетворены, и что дальше? Можно братья за книги, но он разучился читать.

* * *

Сын, аспирант в медицинском институте, рассказал, как они исключали одного профессора, антисоветчика, пособника «убийц в белых халатах». Отец, выслушав, схватился за голову. Профессор спас ему жизнь на фронте, сделал операцию, извлек осколок из груди у самого сердца.

Сын успокоил: «Он же не знает про мое голосование». Отец вздохнул, сказал: «Ты ничего не понял, уходи».

* * *

Великий режиссер Вуди Аллен не раз повторял, что в старости нет никаких преимуществ. У кого как. Я, например, уселся в первом ряду и с интересом смотрю спектакль нынешней жизни.

* * *

Служба в ОПАБе (отдельный пулеметно-артиллерийский батальон) отличалась стабильностью. Был участок – от подбитого грузовика до железнодорожного переезда. Два с лишним километра. Окопы, блиндажи, ходы сообщения, пулеметные гнезда, было свое батальонное кладбище, два закопанных танка БТ – живи не хочу. Впервые он получил письма – был адрес для полевой почты. Приносили в термосах обед. Во втором эшелоне батальон имел трех лошадей, две полуторки, склады БП (боевого питания). Д. получил свое место на нарах, в своей землянке, над головой три наката бревен плюс шпалы. Уют, дымный, вонючий, но уют. Откуда-то появился топор, сучья рубить для буржуйки. Война войной, а надо устраиваться, заводить хозяйство – ведро, коптилки, раздобыли железный умывальник, бывший железный чайник. Все прятали, чтоб соседи не сперли. Или вот спичек не было, Д. нашел в развалинах обсерватории линзу, при солнышке она помогала.

Имелся распорядок окопной жизни. Завтраки, обеды, дежурства, обстрелы. Война в обороне дает подобие дома. Свистят пули, осколки – не важно, есть свой уголок, где можно скинуть шинель, телогрейку, снять ремень, а то и сапоги... Он никак не мог справиться со своей улыбкой, от этой «спокойной войны».

Для него будущее России не вызывало сомнения. Оно было, разумеется, прекрасным, счастливым и прочным. Спустя десятилетия оно стало шатко, ненадежно. Уцелеет Россия или нет – не знаю.

Бог ты мой, для него невозможно представить, что до того могла дойти страна-победительница.

* * *

Где-то к старости выплывают из забвения милые подробности ушедшей жизни: тросточки, футболки, ордена, окруженные розеткой из хитросплетенной красной

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
ленты, ломовые извозчики.

«Малый мир» сохраняется лишь в памяти и исчезает вместе со своим поколением почти начисто. От прошлого остается архитектура, романсы, мебель. Кое-что перемещается в антикварные магазины. Остальное можно найти лишь в фотографиях. Кому нужны старые поговорки, калоши, фибровые чемоданчики или тележка, на которой возили всякий скарб? А ведь именно среди этого старого мира протекала жизнь народная.

Ушли и прошлые звуки, запахи конского навоза, крики газетчиков, цокание копыт.

* * *

Покойный мой друг Леша Ансельм сказал мне однажды: «Меня в России интересует десять тысяч человек, не больше. Они должны понимать то, что мне важно. Остальные миллионы ничего не смыслят и ни о чем не думают».

Тогда мне показалось это недопустимым высокомерием. Ныне, спустя годы, вижу, как он прав.

* * *

Хочешь чего-то достигнуть – следуй правилам, они веками выработаны, может, не очень благородны, но вечно практичны.

Не нужно иметь дело с несчастными неудачниками.

Дружить надо с успешными.

Лучше спрашивать, чем отвечать.

Лучше слушать, чем рассказывать. Не ошибешься.

Каждый что-то знает лучше тебя.

Успех измеряется деньгами и карьерой.

Не скупись на благодарность.

* * *

– Она то и дело, некстати глупо хохотала. Скажет: «У нас нынче рано подморозило» – и заливается смехом. Чего тут смешного? Одно раздражение.

Заём

Отца моего в ссылке, в Сибири, как и всех, заставляли подписываться на заём из его скудного жалованья. К концу жизни у него скопилась увесистая пачка разноцветных облигаций. Все годы он ждал выигрыша. Выиграет – и купит домик с участком недалеко от Питера, хотя бы за сто первым километром. Так и не выиграл. Ожидание передалось матери. Должны же они хоть когда-то выиграть. И она не дождалась. Выигрыш олицетворял награду. Облигации были обещание, не какое-то туманное, это были государственные бумаги. По теории вероятности, они должны были выиграть. Потом они добавились к моим облигациям, и все равно никто выигрыша не дождался.

* * *

Если соблюдать призыв Солженицына «Жить не по лжи», то на такую жизнь времени останется мало. Все мы живем по неполной правде, по недосказанности, умалчиваем. Сколько раз я недоговаривал; в том, что писал, больше обиняков, чем правды, только так и можно было существовать в СССР. Читатель этот недосказ научился понимать.

* * *

Лучшее, что я прочел о Пушкине, это у М. Л. Гаспарова: «Пушкин был <...> замечателен вот в каком отношении: он был абсолютно доброжелателен. Во всех воспоминаниях современников (я этот материал очень хорошо знаю) у него очень хорошие чувства к другим поэтам, никакого ощущения соперничества, ни свысока, ни с ущемленностью, и чем больше поэт (Жуковский, Баратынский), тем больше Пушкин ему радуется. Больше такой хорошей естественности я не знаю ни у кого».

* * *

Колдуны, привидения, жрецы, шаманы, парапсихология, гадалки, пифии, оракулы – все это под сомнением. Вся нынешняя эпоха их отвергает. Бездоказательно. «Вы мне продемонстрируйте их чудеса, и не раз и не два». Все сверхъестественное давно запачкано шарлатанами, жульем. Но что-то есть, во всяком случае – было.

Ученый человек, человек науки:

1. Ему нельзя давать срок, подгонять, он сам работает на пределе.
2. Наука хорошо растет не всюду. Кроме благоприятного морального климата нужна природная склонность к ней. У каждого народа есть к чему-то склонность, русские, немцы, французы имеют склонность к естественным наукам, итальянцы к музыке, живописи, ваянию, архитектуре. Ментальность складывается из... а шут ее знает как.
3. Результаты работ публикуются свободно, транслируются всемирно. «Если жизнь – обмен веществ, то духовная жизнь – обмен информацией».
4. «Озарения посетят не тех, кого должно бы согласно установленной иерархии» (Гарри Абелев).

* * *

Человек любит или производить предметы роскоши, или приобретать их. Красивые шкатулки, ювелирные изделия, вазы – вещи бесполезные. Они требуют вкуса и мастерства. Это желание проявить свое художественное искусство.

* * *

Одной из самых героических страниц Второй мировой войны была Ленинградская блокада. Зачем надо было затевать процессы над руководителями именно блокадной эпопей? Не потому ли, что роль Сталина в истории сопротивления Ленинграда была минимальной. В экспозиции Музея блокады ее никак не удавалось отразить.

* * *

Деревня стала «уходящей натурой».

Михаил Алексеевич Сергеев

Познакомились мы в 1958 году. Он немедленно привел к себе. Седенький, с бородкой, живой, говорил быстро, без точек и запятых, торопился, да так, что не успевал кончить одну историю, как начинал следующую. Все были интересные, сколько он навидался, сколько знал, сколько успел. Народы Севера, история Камчатки, был директором издательства «Прибой».

В первые годы революции управлял банками. Горький, Шаяпин, Ленин, Зиновьев, Киров – для него это все люди, остроумцы, хитрецы, бабники.

Показал мне книгу рассказов М. Горького. Берлинское издание. Шикарный кожаный переплет. Нумерованная № 1, их было десять экземпляров нумерованных. Дарственная

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
надпись Горького.

– Надпись суховата, а было так...

И он рассказал про очередное увлечение Горького, книгу эту под первым номером он собирался подарить своей возлюбленной, Сергеев же, как издатель, присвоил первый номер себе, автору же выслал остальные. Горький рассердился. Кое-как в Питере Сергеев уговорил его, добился прощения.

Библиотека у Сергеева была посвящена Северу, редкие издания, отчеты экспедиций, фольклорные записи. Дивное собрание. Окна квартиры выходили на набережную Невы, но все окна, с превосходным видом на Петропавловку, были загорожены книжными шкафами.

* * *

Сорок первый год для меня пропах мертвечиной. Позор отступления врезался в память куда глубже, чем стойкость обороны и то, как немцы дрогнули, побежали. В разгар нашей, казалось мне, постыдной неготовности, оказывается, у противника Генштаб спорил со своими генералами, стал рушиться тщательно разработанный план блицкрига. Не только из-за нашего сопротивления, было и другое – неуверенность Гитлера. Появилась зловещая трещина. Вдруг там, в глубине, приоткрылась бездна. Война не имела смысла. Победное наступление продолжалось, опытные полководцы стали понимать, что эта война не имеет победы. Примерно то же самое происходило у нас, только с обратным знаком. Нашу войну не ждало поражение. Как бы далеко немцы ни продвинулись, мы знали, что победа будет у нас. Знали? Откуда появилось знание? Понятия не имею.

Черчилль сказал, что союзникам было бы жаль лишиться такого военного гения, как ефрейтор Гитлер. Относится это не только к союзникам. Вмешательство фюрера немало помогло отстоять Ленинград и прорвать блокаду.

Поначалу наши генералы тоже немало намудрили, зато потом они показали немцам, как надо воевать.

* * *

Этот перевод знаменитого 66-го сонета Шекспира сделал Юлий Шрейдер, замечательный ученый, биолог, философ. Жизнь его была обидно коротка, но богата успешным творчеством. Он один из достойных учеников А. А. Любищева. Перевод он послал мне незадолго до смерти, когда, как он писал, стало совсем тошно от наших порядков.

Пора кончать. Мне тошно от всего.
От не дающих милостыню скряг.
От медных лбов, что правят торжество.
От веру замутивших передряг.
От тупости казенных мудрецов.
От недостойно розданных наград.
От разум растлевающих оков.
От добродетелей, ведущих в ад.
От правды, что слывет здесь простотой.
От доброты, что верно служит злу.
От издевательства над красотой.
От знания, зовущего во мглу...

Давно б покончил с этим миром счет:
Страх за тебя уйти мне не дает.

В. Шекспир

* * *

Алесь Адамович ко всем начальникам подступался с вопросом:

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

– Допустим, американцы обрушили на нас атомный удар, да такой, что всю Европу под смертную радиоактивность подставили. Если мы ответим тем же, то четверть человечества погибнет. Вас это остановит? Или вы все же ответите тем же, нажмете кнопку?

Хотел в тупик поставить. Не поставил. Все военные обещали тут же нажать кнопку. Начальники тоже нажимали. Убежденно, и впрямь нажали бы, чтобы американцам неповадно было, а то, что весь мир в тартарары, им без разницы, все равно победа будет за нами.

* * *

В этом доме он увидел серебряные ложки со знакомой монограммой. Мать обменяла их, когда они бежали от немцев, в какой-то деревне. Странно было спустя сорок лет есть суп той самой ложкой. Он осторожно любовался – мол, вроде знакомая монограмма.

– Нет, нет, – тотчас предупредила хозяйка, – они достались от бабушки. Когда мы жили в деревне, у нас уже были эти ложки и еще иконка в драгоценном окладе. Но иконку-то я знаю, ее взяли из поместья, когда жгли его.

– Там теперь музей, – сказал хозяин.

– У вас что, такие же были монограммы? – спросила хозяйка. – Разве так бывает?

– Монограммы, они сугубо личные, – сказал я.

– Выходит, у нас это чужое. Нет, я не согласна.

– Хомут надо было брать, – сказал ей муж.

* * *

Замечательно написал Василий Жуковский – и про Тимофеева-Ресовского, и про Расула Гамзатова, и про Лихачева, про всех моих дорогих:

О милых спутниках,
Которые наш свет
Своим присутствием благодворили,
Не говори с тоской – их нет,
Но с благодарностию – были!

* * *

Ни месяца, ни года, ни обратного адреса. Письмо без отступа сверху, будто это не первая страница.

«Считай, мой милый, что я умерла. Во вторник в 7 ч. вечера. Выпей за упокой моей души».

Почерк знакомый. Ясный. Письмо со всеми запятыми, грамотное. Отличница.

Кто такая? Не припомню.

«...Она умирала весь месяц, и сейчас кровоточит так, что я не сплю и не живу, но улыбаюсь и разговариваю. Так обычно любящие люди сидят около умирающего не плача, а болтают, болтают. Все эти годы моей душой был ты».

Письмо большое, двенадцать страниц, видно, никак не могла остановиться. Вспоминала подробности наших отношений, не конкретные, а то, что происходило с ней. И все обо мне, и все смиренно, без обвинений, без попреков. Отдавала мне должное, да так, что я себя не узнавал. Слишком хорош. Подумал: а вдруг это чужое письмо, дали когда-то, но упоминала Комарово, общих знакомых: Сережа Антонов, Гитович, Лидия Корнеевна.

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Признание нарастало. Нарастало и мое недоумение. Кто б это мог быть? Перебирал имена. И не находил среди них никого подходящего. Такого умного, тонкого, так любящего меня.

Письмо это было умнее всех, кого я знал. Я не мог припомнить среди своих романов такого уровня чувств.

«Но ты для меня вне игры. Но я даже не знаю, люблю ли тебя, ты просто часть меня. Ты единственный человек, с которым могу говорить нараспашку».

Что-то мешает мне цитировать полнее, все же это сугубо личное, предназначенное одному мне, во всяком случае не для печати. Хотя, казалось бы, я хозяин.

В конце она писала о новой моей книге, теперь я убедился, что письмо адресовано мне.

Не ожидал, что так трогательно, умно кто-то из них мог... Все же любовь поднимает человека, появляются слова, больше того – стиль, талант. Я читал впервые, почему-то тогда я не стал читать, отложил. Не хотел читать. Кажется, понимаю, это было инстинктивно, что я мог ответить? Ничего.

Почему я уходил? Не знаю. К этому ведь все сводилось – уход. Все, значит, кончилось. А почему? Как ей объяснить? Так уже однажды у меня было. В юности.

Увидел в библиотеке девушку. Консультант. Я был студент. Учился в Электротехническом. Что-то меня поразило. Подошел и о чем-то стал спрашивать. Про Анатоля франса. Она отвечала, посмеиваясь над моей попыткой познакомиться. Я был настойчив. Стал ходить на филфakovские вечера в Университет на танцы, буквально преследовал эту девицу. Что меня так привлекало? Она была хорошенькая. Литературная – что тоже действовало. Веселая. Но было что-то еще, неизвестное. Год длилась осада. В конце концов я потеснил других поклонников. Был признан. Она жила на Васильевском острове, я провожал ее до полуночи, потом сидел у разведенного моста. Иногда под дождем и был счастлив. Даже сочинил несколько бездарных стихов. А потом расстались Почему? Не знаю.

На нейтралке

Военные дневники фон Лееба, записки Гальдера, мемуары гитлеровских генералов открыли для меня неведомую Великую Отечественную войну. Занавес приподнялся. Можно было разобрать, что творилось по ту сторону фронта, в штабах немецких армий, как задумывались и созревали операции против нас. Как они воевали, прославленные завоеватели Европы, генералы, фельдмаршалы – Манштейн, Браухич, Лееб, Гальдер и прочие полководцы вермахта. А еще – что представлял их главнокомандующий Адольф Гитлер для них, специалистов войны. Прежде всего я искал то, что относилось к Ленинградскому фронту, к эпизодам моей войны, где на своей шкуре я испытал сражения с немцами, все то, что пережили мы в 1941–1942 годах. Странные чувства охватывали меня – вот как оно происходило у них, вот что они замыслили, как они видели нас, где они перехитрили, и где мы их обыграли. Как будто я оказался на нейтралке между немцами и своими.

21 июля 1941 года в штаб 18-й армии группы «Север» прилетел Гитлер. Самолет фюрера сопровождали четыре самолета охраны. Гитлер провел у командующего группы «Север» фельдмаршала фон Лееба два часа. Совещались, как брать Ленинград. Улетая, он оставил своего спецкурьера, чтобы тот немедленно сообщил ему о падении Ленинграда. Для него этот вопрос был ясен. Через несколько дней город должен капитулировать. Но адъютант фон Лееба сказал курьеру, что, видимо, придется задержаться здесь подольше, недели на две.

Гитлер привык по ходу европейской кампании, что города капитулируют быстро, Ленинград не должен быть исключением. Немецкие части подходили к нему со всех сторон, некоторые приблизились вплотную.

Но вот тут начинается удивительное. По мере приближения к Ленинграду цель кампании начинает расплываться: можно взять Ленинград штурмом, а можно ждать, когда он сдастся, генералы уверяли, что это должно произойти вот-вот, со дня на день. И на Центральном фронте с Москвой творилось примерно то же. Наступление немцев развивалось успешно, но в Генштабе стали появляться сомнения, все чаще

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
вспоминался синдром Наполеона.

Какова должна быть очередность – сперва Ленинград или сперва Москва? 4 августа 1941 года Гитлер собрал совещание верховного командования, он указал: «Первой достижимой целью является Ленинград и русское побережье Балтийского моря».

Это промышленные районы, в Ленинграде единственный завод, где делают сверхтяжелые танки. И так, сперва Ленинград. Взять к 20 августа! После этого авиацию и танки передать группе «Центр». Планировали уверенно, подобно железнодорожному расписанию. Спротивление советских войск учитывали, давая им самое большое неделю. Все это аккуратно отражено в немецкой хронике военных действий.

Начальник штаба верховного командования сухопутных войск Гальдер уговаривает фюрера в первую очередь брать Москву, а не Ленинград, но Гитлер настаивает на своем – нет, сперва Ленинград. Для него этот город символ большевистской опасности, похоже, это главный враг.

Как знать, что произошло бы, если б он настоял на своем. Сперва Ленинград – как это изменило бы ход Второй мировой войны? Непостоянство указаний главнокомандующего создавало счастливую для нас путаницу в работе главного штаба вермахта.

Нашему командованию тогда в голову не приходило, какая неразбериха может быть у немцев. Мы знали, что они имели тщательно разработанные планы операций, все у них рассчитано наперед по часам. А тут вся эта сложенная машина заскрежетала, забуксовала, стала сбиваться с курса.

Для меня отрывались неожиданные вещи. Военные дневники Лееба и Гальдера, несмотря на их суховатость, создавали удивительное чувство, оно позволяло видеть одновременно то, что творилось по обе стороны фронта, открылись замыслы противника, его метания, его маневры, резервы. Если бы подобное знать в то первое лето войны, если бы знали наши командиры про неразбериху в немецком Генштабе. Как у начальника Генштаба Гальдера и командира группы «Север» Лееба росло взаимное раздражение, как Гальдер стремился отобрать танковые части в группе «Центр» для наступления на Москву, как фон Лееб противился этому, ему нужно было захватить Ленинград. Прежняя их дружба разрушилась, они стали расходиться.

В середине августа Гитлер решил стереть Ленинград с лица земли. Бомбежка, артиллерийский обстрел, любыми способами. Ему подсчитывают, что для этого нужно девять эшелонов только для мортир, восемь эшелонов для тяжелых гаубиц. Это невыполнимо. Гальдер открыто возмущается: «Из-за вмешательства фюрера положение становится нетерпимым».

23 августа 1941 года наконец появилось в военных дневниках фон Лееба наше ополчение: «...мучительная борьба с противником». Это на Лужском рубеже, это мы за него зацепились: «Из-за того, что враг оказывает ожесточенное сопротивление, вводя в бой все свои наличные силы, имея явное намерение остановить 18-ю армию, ее продвижение идет совсем медленно». Это снова мы! Это наше ожесточенное сопротивление, мы на Лужском рубеже!

Когда Лужский рубеж пал, немцы занимают Павловск, Пушкин, подступают вплотную к городу, все это известно, неизвестно мне было, что там творилось у немцев. А их сжигало нетерпение, намеченные сроки взятия города не сбывались, офицеры в частях спрашивают: «Что будем делать с населением, когда город сдастся?» Для них капитуляция беспорна.

Началась блокада. Сентябрь, октябрь... Немцы узнают, что в городе начинается нехватка продуктов. И вот уже подступает голод. «А что, если голодные люди будут пытаться выйти из города? – допытываются офицеры. – Выпускать население?» Приказано: «Ни в коем случае!» «Что же делать – стрелять в женщин, детей?» Но генералы предупреждают Берлин – это «может отразиться на нервной системе солдат». Такие опасения появляются во всех частях. «Немецкий солдат потеряет внутреннее самообладание». Ответов нет. Командование не находит приемлемого решения. Генерал Лееб полон озабоченности, по шоссе из Пскова движется поток беженцев. Голодные люди гибнут в пути. «Это негативно действует на немецких солдат, занятых на дорожных работах», – отмечается в штабных дневниках. А тут

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
еще немецкие листовки и радио призывают противника переходить к немцам. Ежедневно переходят по 100–150 солдат, их надо кормить. Это невозможно, отмечает Лееб. Командование добивается капитуляции и не знает, что делать, если она произойдет.

Читая перипетии военных будней противника, видишь, как много сходства с тем, что творилось в наших штабах. Сравнение это было интересно, при этом куда-то терялось чувство вражды. Слишком много общего открывалось и в солдатской жизни, и в офицерской. Как будто передо мной разыгрывалась шахматная партия, не важно было – кто за черных, кто за белых, интерес сместился на ход поединка. А я на нейтралке между окопами. Комбинации разыгрывались и там и тут, и там и тут звучали голоса командиров: «Ни шагу назад!», «Стоять до последнего!» Они повторяли друг друга буквально, фон Лееб пытался сберечь своих солдат, но Гитлер не думал о потерях, требовал: «Держаться любой ценой!»

Несмотря на расхождения между Леебом и Гальдером, несмотря на то, что Гальдеру в конце концов удалось склонить Гитлера и взятие Ленинграда отодвинулось на второй план, а главным стало взять Москву, несмотря на это, еще любопытнее мне было, как обострялись отношения военных специалистов Гальдера и фон Лееба с главнокомандующим Адольфом Гитлером. Они вынуждены были исполнять его приказы, но пришел момент, когда вздорность Гитлера и то, что он требовал, настолько становились несовместимыми с профессиональными знаниями фельдмаршала и начальника штаба, что это стало затрагивать их честь, и дальше подчиняться приказам Гитлера они не могли.

В январе 1942-го фельдмаршал фон Лееб подал в отставку. Гитлер не хотел его отпускать, но Лееб настоял на своем. Он не мог простить себе неудачной операции, связанной с Тихвином. Сказалось еще растущее возмущение непостоянством решений Гитлера, какой-то его умственный сумбур. Удалиться в разгар войны «с поля боя» прославленному генералу не так-то просто, но затронута была его профессиональная честь, и более не хотелось исполнять то, с чем он был не согласен. Ничего похожего на поведение наших военачальников. Вроде никто из них по причине несогласия с начальством в отставку не подавал. Это их отправляли в отставку.

В сущности, оба – и Гитлер и Сталин, если сравнивать главнокомандующих, оба были дилетанты, оба в своих решениях не утруждали себя мотивировками, оба не заботились о потерях. Гитлера боялись, но Сталина куда больше, страх перед ним исключал свободное обсуждение военных решений.

Легкая победная война в Европе укрепила самоуверенность Гитлера. Породила великолепное настроение среди генералитета вермахта.

Однако уже через месяц у Лееба появилось уважение к противнику: «Русские сопротивляются отчаянно, с гранатой идут на танки». План блицкрига все чаще нарушается. К концу июля 1941 года Гальдер понимает, что наступление следует сосредоточить только на Москве.

Когда Гитлер был на вершине власти, генералы считали, что план вторжения в Россию гениален. К началу августа они стали считать, что план плохо исполняется, а еще через пару месяцев они почувствовали себя умнее Гитлера. Оказалось, что открыть второй фронт: напасть на Россию – не такое легкое дело. Они оккупировали четырнадцать европейских стран. К 1941 году слава Гитлера утвердилась: «Величайший в мире полководец». И уверенные в этом его генералы без возражений отправились в Россию.

На самом деле Гитлер был негодный психолог. Как военный он еще что-то мог, но он не понимал, что советско-финская война не пример, для русского солдата она была не понятна, финны на Россию не нападали, с чего ж на них ополчились? С немцами было другое – это они напали на Россию, целовались-обнимались, а уехав из Москвы, тут же подняли самолеты бомбить Россию. Так поступать нельзя, Россия была пятнадцатой страной для Гитлера, но первой страной, с которой началась совсем другая война.

Ключевую роль в плане «Барбаросса» играл Ленинград. Что такое этот город, они представляют плохо, считали, например, что в Ленинграде полтора-два миллиона жителей, на самом деле там было намного больше, а с учетом беженцев из пригородов тем более. Гитлер требует взорвать этот город, не представляя, что это то же самое, что взорвать Альпы.

В конце июля Гальдер опять пробует убедить фюрера, что основной удар надо сосредоточить не на Ленинграде, а на Москве. Но Москва Гитлера не интересует, все его внимание направлено к Ленинграду, Гальдер продолжает настаивать. На тридцать пятый день войны Гальдеру удается переубедить Гитлера, решено город не захватывать, а лишь окружить. Но через несколько дней Гитлер возвращается к своему плану – сперва Ленинград. Что-то его влечет к этой цели. Приказывает направить на Ленинград еще один авиакорпус.

Вот почему так участились бомбежки города. С тяжелым урчанием пролетали над нашими окопами бомбардировщики. В бессильной злобе мы палили по ним из всех винтовок. Они плыли, не обращая внимания на нашу стрельбу, и вскоре со стороны города начинался частый стук зениток, а затем доносилось глухое уханье бомбежки. Иногда к нам доходило содрогание земли.

Судьба ни одного города не вызывала столько споров, как военная судьба Ленинграда.

В тот же знойный день, 30 июля 1941 года, в Кремле Жуков пытался убедить Сталина сдать без боя Киев и увести войска Юго-Западного фронта. Сталин назвал этот план чепухой и тут же снял его с должности начальника Генерального штаба. Сталин не позволял никому оспаривать свое мнение. То и дело подвертывалось сопоставление обоих главнокомандующих, их поведение порой совпадало до странности, но и расходилось поучительно.

Военные дневники немцев почти ничего не говорят о солдатской жизни, о происшествиях. Только иногда проскакивает что-то неожиданное. Так, например, в начале августа 1941 года упоминается, что группа советских танков с экипажами перешла на сторону немцев. Ничего подобного я не слышал. Зато тут же Гальдер признается, что план блицкрига сорван, в ротах осталось всего сорок-пятьдесят солдат, русские, оказывается, сопротивляются отчаянно. Это лучшая похвала нам. Удивительно, как спустя десятилетия оживает прежнее солдатское чувство.

Жизнь моя – дуновение, повторяю я слова Иова, и она не возвратится, как не может возвратиться назад облако, листок дерева.

* * *

Вдруг где-то в глубине памяти послышалась песня:

Зачем-зачем вы слово дали,
Когда не можете любить.
Наверно, вы про то не знали,
Что я могу себя сгубить.

Это когда-то пела мама. Я услышал ее высокий нежный голос, память вдруг, спустя восемьдесят лет, почему-то вытолкнула на поверхность и этот романс, и мелодию, а главное, ее саму, поющую...

* * *

Легкой жизни я просил у Бога:
Посмотри, как тягостно кругом.
Бог ответил: подожди немного,
Ты меня попросишь о другом.
Вот и дожил, не длинна дорога,
Тяжелее груз и тоньше нить.
Легкой жизни я просил у Бога,
Легкой смерти надо бы просить.

Лишь недавно узнал, что автор – Иван Тхоржевский, эмигрант. Правда приведенная редакция слегка отличается от напечатанной в книге И. И. Тхоржевского «Последний Петербург», изданной у нас в 1999 году его племянником, писателем Сергеем Тхоржевским.

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

* * *

Выросло поколение, которое не мечтало о коммунизме, которое вообще не думает о будущем обществе. О себе – да. О новой машине, как больше получать, как забрать повыше.

* * *

Открыли курсы патриотов. Для пламенных стипендия повышенная.

* * *

Личность академика Леонтовича была окружена легендами. Он отличался яростной нетерпимостью ко всякого рода непорядочности. Мог не подать руки. Мог публично отчитать. Этика его была безупречна. Но тут же с некоторой мудрой самоиронией мог заметить: «Справедливость – это удовлетворенная зависть».

* * *

Л. Д. Ландау делил науки на четыре категории:

1. Науки естественные (физика, химия, биология)
2. Науки неестественные (история, лингвистика и пр.)
3. Науки противоестественные (философия и т. п.)
4. Науки сверхъестественные (теософия, астрология, богословие, оккультные науки).

* * *

В 2010 году в Комарове наша вполне респектабельная дача стала превращаться в скромную избушку, еще год-два, и она станет халупой. Не ветшая, не дряхлая. Ее стали окружать шикарные большие сооружения, и ее скромность начинает выглядеть убожеством. Комарово становится поселком состоятельных, богатых людей. Остаются воспоминания, легенды, само же интеллигентное наполнение исчезло.

* * *

У нас умирают как-то наспех, на ходу. Раньше причащались. Чувствовали приближение смерти. Разглядывали прожитую жизнь. Толстой в дневнике рассказывает о крестьянине – умирал с удовольствием, вспоминая, сколько он наработал: «Редко кому удается столько». Две недели умирал. Уходил удовлетворенный.

* * *

– Живи мы в нормальной европейской стране со свободой выезда, со свободой печататься где угодно, у нас было бы куда больше нобелевских лауреатов. В физике – и Я. Зельдович, и Н. Вавилов, и В. Фок, и И. Тамм. А в литературе и Ахматова, и Мандельштам, и Булгаков, возможно Паустовский. Думаю, могли бы претендовать и Б. Ахмадулина, и Е. Евтушенко.

Подумав, он сказал:

– Так-то оно так. Но были бы при этом Булгаков и Мандельштам теми, кем они стали?

* * *

18 декабря 1709 года родилась Елизавета Петровна, будущая царица России. Точнее

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– русская императрица. Дочь Петра и Екатерины Первой. Наполовину русская. Петр был последний русский царь, дальше пошли немцы. О дате я узнал случайно. В наших календарях нынче таких юбилеев не отмечают. 300-летие – ведь это юбилей, да еще какой!

Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.

В нашей монархической галерее она действительно помнится как «веселая царица». Строгие немцы, немки, работяги, чиновные служаки, венценосные ревнители своей славы, они вели и наслаждались жизнью–то украдкой, «делу время, потехе час», угрюмо старались над Россией. А эта? Наряды, балы, романы, и, между прочим, кой-чего успевала! К примеру, основала Московский университет, в Питере – Академию художеств. Украсила столицу гранитными набережными, Смольным собором по проекту Растрелли – самым, на мой взгляд, красивым собором России.

Оглянулся я и обнаружил, что нигде и никто не собирается отмечать юбилей Елизаветы. 300 лет – не шуточки. Дочь Петра. Красавица. Как же так? Спросил в мэрии, спросил у губернаторши нашей В. И. Матвиенко. «Какая Елизавета? Что за юбилей? Никаких указаний нет. Чего это будем выпендриваться? Нет, ни в коем случае».

А давайте мы сами. Без указаний. Подговорил Николая Бурова, директора Смольного, Исаакиевского и прочих соборов. Человек легкий, заводной. Согласился. И 18 декабря 2009 года в Смольном соборе состоялось. Вступительное слово – Н. Буров. Затем хор собора исполнил кантату XVIII века. Какую, не знаю, но пели хорошо. После них была прочитана ода Сумарокова, обращенная к императрице Елизавете Петровне. Между прочим, поэтически весьма даже. Выступил и я. Смольный собор внутри чисто белый, никаких росписей. Без алтаря, иконостасов. Строгая белизна делает его воздушно-легким. Я говорил не о Елизавете Петровне, а о нашей памяти, о благодарности, о том, как мы охотно забываем плохое и хорошее без особого различия. Когда-то я думал, что хорошее, доброе забыть нельзя, поэтому оно прочно остается в нашей душе. Ничего подобного, и оно подвержено забвению.

Нас было совсем немного в соборе. Слушало человек тридцать. Но это никого не смущало. Наоборот. Царило какое-то возвышенное чувство доброты – мы единственные в России собрались здесь, кто вспомнил Елизавету Петровну, поклонился ее памяти. Просто так, во имя человечности. Без телевизионных камер, казенных венков, казенного ритуала.

Это было необычно. Думаю, для всех. Для меня тоже.

Потом выпили по бокалу шампанского, и все. Разошлись. Довольные как никогда этой сорокаминутной церемонией.

* * *

Есть несколько вопросов, время от времени они посещают нас, мы пытаемся ответить на них и не можем. Они уходят и вновь возвращаются.

«Правильно ли я живу? Нет, что-то не то. А как надо жить?»

«В чем смысл жизни?»

«Зачем я появился в этом мире?»

«Каково мое назначение? Неужели я родился, чтобы быть бухгалтером или инспектором торговли? Что-то ведь должно быть во мне, какие-то способности, какой-то хоть небольшой дар?»

* * *

«Не так давно на партактиве одного из подразделений КГБ под гром аплодисментов осуждали Рыбакова, Шатрова, Гранина как отщепенцев, превозносящих предателей и

Заговор. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
ползучую контрреволюцию» (Московские новости. 1990. № 25. 24 июня).

«Предателей» – это, очевидно, про мою повесть «Зубр», Рыбакова – за его роман «Дети Арбата», Шатрова – за его пьесы о Ленине.

Вещи эти разные, но объединяло нас – «отщепенцы». Ругательство позабытое, да и в девяностые годы исчезающее, оно из тридцать седьмого года, из времен Большого террора – «враги народа», «вредители», «наймиты», «последыши» и т. п.

«Гром аплодисментов» хорошо выражал удовольствие от возвращения к прежнему чекистскому разгулу, но и досаду от того, что нельзя этих голубчиков доставить сюда, в наши кабинеты, и привести их в порядок.

Теперь ругательства читаются по-другому. Стали они как признание нашего сопротивления.

* * *

Пережитков тоталитаризма в нашей жизни полно. Куда больше, чем было пережитков капитализма. Настоящего капитализма в России не было, настоящий тоталитаризм был. Большой террор не прошел бесследно. Дети репрессированных, дети охранников, следователей, судей, стукачей – все они нахлебались страхов из одного и того же источника, и они принимают любые объяснения властей, призывы, сообщения. Боятся не верить. В советской идеологии сотрудничали все, вся страна.

Говорят, надо покаяться. Надо осудить культ, террор, ложь, партийную систему, то есть систему правящей партии. Посмотрите, как голосуют в Европе. Вот Польша выбирает президента. Два кандидата. Разница голосов – 8–10 процентов, то есть много несогласных, много инакомыслящих. Покаяться – значит осудить, значит разоблачить. Какое может быть покаяние, когда архивы закрыты: судебные, военные, партийные. Прекратили издание документов террора, начатое А. Н. Яковлевым. Чего власти боятся?

* * *

А. Пушкин уже тогда – в свое время – задавался вопросом – куда нам плыть?

* * *

Мы знать не знаем, какие вызовы нам готовит будущее. Даже в ближайшие десять лет. Эра Интернета нагрянула на Россию внезапно. За каких-то пять-семь лет страна обзавелась сотнями тысяч, миллионами пользователей. Практически – сразу. И все преобразилось. Перестали читать газеты. Зачем они? Интернет отодвинул библиотеки, подчинил их. Домашние библиотеки не так нужны. Интернет присоединил нас к Всемирной сети. И пограничная служба потеснилась. Остатки цензуры исчезли. Знание языков сразу продвинулось. У меня появились сотни знакомых. Мои сочинения не зависят от издателей. Могу вывесить на сайте все, что хочу. Блоги.

А мобильники, что они сделали со всеми, с детьми, со стариками, с туристами, с фотографией. Снимает каждый. Отправляю эсэмэску в любой конец света... Вспомним, как изменилось использование нефти после изобретения бензинового двигателя. Как вырос радиус жизни, когда появился автомобиль. Он потребовал другие дороги, автострады, они изменили культуру стран, туристские репутации, доступность других народов и т. п. Нефть перекроила мировую политику. То же относится к атомному оружию, космическим спутникам.

Завтра на место нефти придут «возобновляемые источники энергии». Солнечные батареи, ветродвигатели, водородные двигатели. Будут ликвидированы нефтяные королевства, нефтяные деньги кончатся.

Изобретения и открытия в естественных науках непредсказуемы. Так было с каучуком, с пластмассами...

* * *

Спор – кто мы, Восток или Запад? Насколько мы Восток? Это ведь не так важно, едим мы палочками или вилками.

* * *

Мои друзья из Ханты-Мансийска рассказали мне про шаманов наших северных народов. Когда-то (1937 год стал «когда-то») их всех собрали на съезд. Может, это называлось «фестиваль», точно никто не помнит. Набралось больше двухсот человек. Состоялся ли сам фестиваль, никто тоже не знает, сведений, по их словам, не сохранилось. Зато известно, что их всех расстреляли. Для этого и собрали.

Нечто подобное рассказывал мне Юра Рыхтэу. Легенда эта звучит приглушенно, без подробностей, некое устное «сказание». Конечно, сделано это тогда было без суда и следствия, никаких упоминаний в печати. Я спросил у архитектора Славы Бухаева, было ли что-то подобное у них в Бурятии. Он вспомнил из своего детства, как у них арестовали и потом расстреляли известного в их краю шамана.

Если не стеснялись репрессировать священников, то вряд ли церемонились с беззащитными народами Севера. В газете «24 часа» за март 2008 года (№ 322) я прочел в отрывке из воспоминаний Шостаковича о том, как в середине 1930-х годов на Украине собрали съезд бандуристов, лириков. Это были слепцы, которые издавна бродили по селам. Со всей Украины сошлись они, несколько сот слепцов, на свой съезд. «Это был живой музей. Живая история страны. Все ее песни. Вся ее музыка и поэзия. Почти всех их расстреляли. Зачем это сделали?» – спрашивает автор. Песни их цензура-то не проходили. Таков был уровень мотивировки властей. Какая может быть цензура для слепых? Исправишь текст, так ведь не дашь ему прочитать. Приказ надо в устной форме сообщать, с него, слепца, подписи не взять. Бедняге никак не оформить запрет. Проще расстрелять. Так «пришлось» сделать, и сделали. Все, что не поддавалось контролю, – внушало опасение. Страх преследовал больших и малых властителей. Они насаждали страх, ссылали в лагеря, расстреливали, но от этого их собственные страхи росли. Они стали бояться детей, репрессированных братьев, сестер. Списки разрастались. Террор ширился. Достиг размеров чудовищных. Не знаю, было ли подобное в истории других народов. Всю страну вогнали в страх. Не известно, кто больше боялся, народ или власть, которая раздувала ужас террора. Члены Политбюро старались не появляться среди людей. Только на трибуне или в президиуме.

Цензура. Мне пришлось нахлебаться ее, когда мы с Адамовичем закончили «Блокадную книгу». Журнал «Новый мир» получил 65 (!) цензурных замечаний по рукописи. Хотели поговорить с цензором, доказать, объяснить. Нельзя. Нельзя встретиться. Нельзя даже узнать его фамилию. У себя в Питере я не мог узнать, где она, цензура, находится, ее адрес, все скрывалось, действовало анонимное существо, некая неземная инстанция, недоступная жалобам. Соблазнительно было бы опубликовать некоторые материалы, привести примеры цензурных изъятий 1950–1970-х годов. Взять интервью у бывших сотрудников. Невозможно. Все рассеялось, исчезло, словно ее не существовало. Призрак растаял. Остались покалеченные книги, статьи, изуродованные романы, стихи. Урон, нанесенный литературе, научной, художественной, театру, кино, – огромен. Хотя бы приблизительно представить уже невозможно.

* * *

Душа имеет свою структуру. Она включает совесть, стыд, предчувствие, еще какие-то части, они независимы от разума, живут своей таинственной, неподвластной даже человеку жизнью.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!